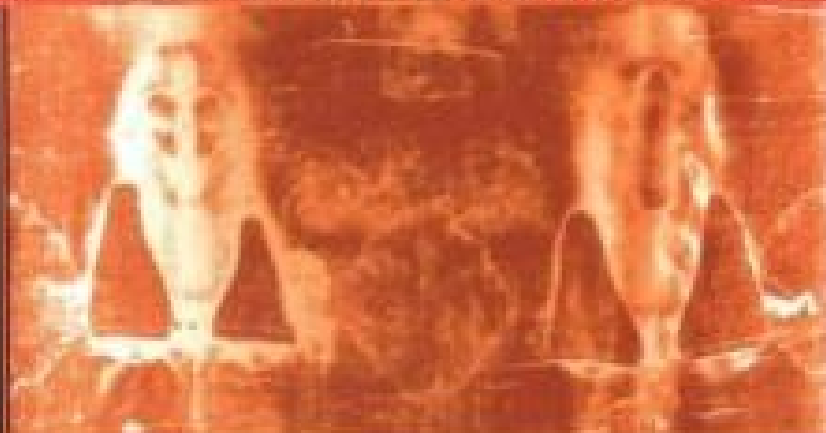

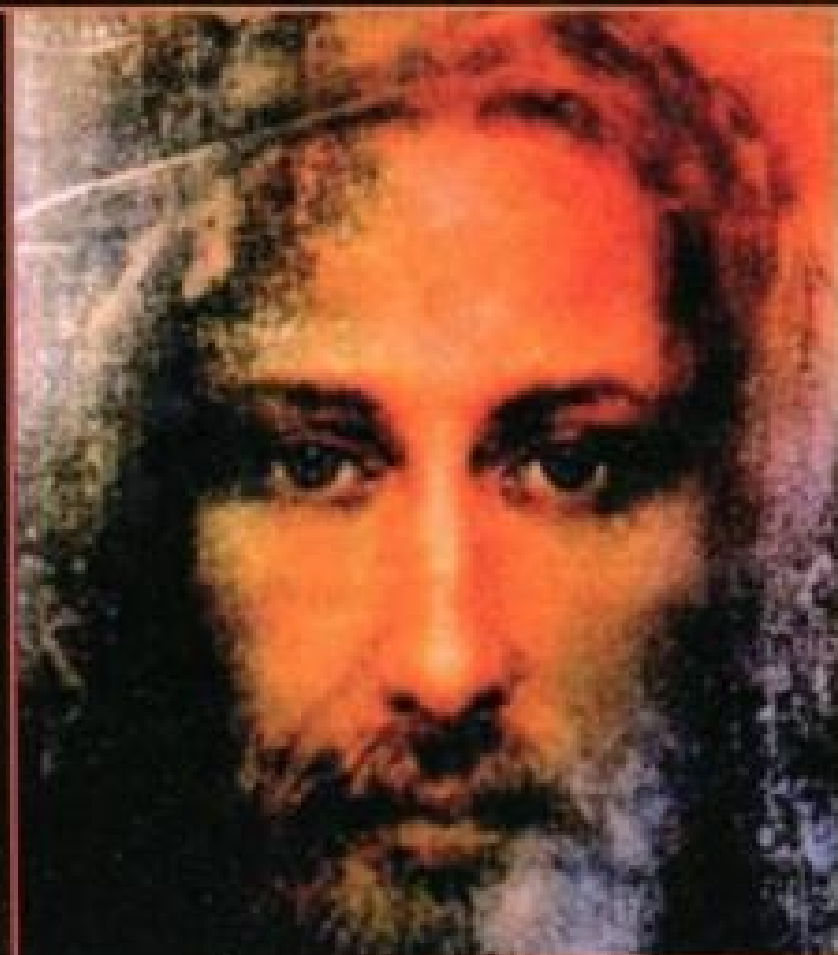
ЛАБИРИНТЫ ИСТИНЫ

Этьен КАССЕ

ТУРИНСКАЯ ПЛАЩАНИЦА

ЭКСПЕРТИЗА ОТПЕЧАТКОВ БОГА

Плащаница, вероятно, самый знаменитый символ христианского мира, окруженный массой легенд и домыслов, а также множеством реальных, зловещих тайн. Именно этот символ очень долго не признавался Церковью и в то же время тайно охранялся ею. Кому в действительности принадлежит лик на полотнище? Что происходит со всяким взглянувшим в эти глаза? Есть ли тайна и где ее исток? Этьен Кассе берется за очередную загадку. Со всем почтением к святыне и со всей страстью исследователя самых непостижимых тайн он расследует дело о Туринской плащанице.

Здравствуйтесь, дорогие читатели. Рад встрече с вами на страницах книги. И снова я предлагаю окунуться в прошлое, совсем еще близкое прошлое моих первых опытов в расследовании исторических загадок и далекое прошлое, в котором эти загадки родились.

После некоторых колебаний я решил представить на ваш суд еще одно свое давнее расследование. Когда-то меня заинтересовала загадка Туринской плащаницы — полотна, в которое было завернуто тело Христа после снятия его с распятия. Я посвятил изучению этой легенды (факта? или чьего-то гениального вымысла?) несколько лет. Погружался в архивы тайных орденов, совершал путешествия, разговаривал с учеными. Загадка упорно оставалась загадкой: было или не было, подлог или артефакт?

Вместе с этим возникали и другие связанные с историей христианства. Я осторожно и уважительно приоткрывал завесу домыслов и откровенно эпатажных версий, желая понять: было ли чудо и было ли его доказательство донесено до нас куском древнего полотна? Или мы питаем свой ум красивыми сказками? Я не первый, кто мучился этими вопросами, и не последний. Но все же хотелось бы высказать свое мнение о том, манипулируют ли нами с помощью красивых мифов и загадочных артефактов, или в человеческом мире действительно есть место явлениям необъяснимым, имеющим нечеловеческое происхождение.

Я прошел дорогами других исследователей, воскрешая на бумаге историю их метаний и открытий. Теперь я представляю свои путешествия на суд читателя. Для себя я нашел ответ и очень надеюсь, что каждый из прочитавших книгу также не останется обойденным собственной истиной.

В книгах можно рассказать многое, но для беседы печатный текст не очень подходит. Поэтому, дорогие читатели, я предлагаю встречаться не только на страницах печатных изданий, но и в интерактивном режиме. Издатели, которые с успехом печатают мои книги в России, открыли сайт: mir-sekretov.ru.

Это адрес «явочной квартиры», где смогут встретиться все, кому интересны тайны прошлого и настоящего, кому хочется знать, что от нас скрывают, а о чем просто не хотят упоминать. Это сайт для людей, живущих с открытыми глазами, желающих знать, в каком мире они живут.

Вступление. Символ вопросов без ответов

...Ее хранили в ковчеге, накрытом колпаком из толстого пуленепробиваемого стекла, весящего свыше трех тонн.

По иронии судьбы то, что должно было хранить, чуть не погубило ее. 11 апреля 1997 года, почти полночь. Только-только закончился банкет в Королевском дворце Спасителя, сто тридцать знатных гостей уже разъехались по своим квартирам. И тут произошло ужасное: Туринский кафедральный собор, в котором хранился один из символов христианской веры, стал жертвой поджога. Очень быстро прибыли пожарные наряды, но Королевскую капеллу уже охватило ужасное пламя.

Обгоревшая кровля вот-вот должна была обрушиться на реликвию католического мира. Казалось, неизвестные поджигатели достигли своей цели. В числе пожарных был Марио Трематоре. Не обращая внимания на бушевавшее вокруг него пламя, он бросился разбивать пуленепробиваемое стекло пожарным топориком, чтобы, вытащив тяжелый ковчег с реликвией, вынести его из огня.

Он разбил в кровь все руки, зная лишь одно: священную реликвию во что бы то ни стало следует спасти. А в темноте вокруг охваченного пламенем собора в отчаянии стояла толпа, насчитывающая по меньшей мере три тысячи человек. Все дружно молились о спасении бесценной реликвии... И вдруг из горящего собора показался живой Марио Трематоре с тяжелым ковчегом на руках. Настоящее чудо произошло. Реликвия была спасена!

Была спасена плащаница Иисуса Христа...

Плащаница — покров, пелена, которую не раз пыталось объять пламя, которая всегда была объята огнем великого множества легенд.

Легенда о плащанице

Солнце скрылось за темными вершинами гор. Когда старый барон Жан-Пьер де Вуази подошел к невысокой балюстраде, в его глазах заиграли пурпурные блики вечернего светила. Барон поднял взгляд на облачка, плывущие по темнеющему небу. Уподобляясь детям, старик читал по ним, пытаясь разгадать, что значит каждая воздушная фигурка. Он мечтал, фантазировал до тех пор, пока небеса не сделались владением луны и звезд. Горизонт быстро наполнялся темнотой, изредка прорезываемой красноватыми искорками.

Вдалеке, в городке Рэде, загорелись первые огоньки в домах. Барон мыслями обратился к горожанам Рэде.

— Всем этим людям с их желаниями, страхами, надеждами и мечтами, с их слезами и вздохами, которые они понесут в себе этой ночью в новый год, — всем им мужества и силы, и терпения, терпения, — шептал старик. — Терпения в этом новом, 1349 году, что начнется совсем скоро, через несколько часов.

Он отвернулся от окна. Осторожно сел на дубовый резной стул с высокой спинкой. Взгляд скользнул по письменному столу — по географическим картам, в которые он так любил углубляться, чтобы вызвать в своих воспоминаниях образы тех стран, что видел во времена своей юности; по большому деревянному распятию, стоявшему на столе; по горам бумаг.

Затем барон глянул в висевшее на стене зеркало, привычно пригладил седые волосы и горестно, болезненно улыбнулся своему постаревшему отражению. Жизнь старика вступила уже в последнюю фазу, напоминая капельки воды на ветвях. Сначала медленно стекают они вниз, а потом жалобно дрожат на конце ветки, чтобы совершенно внезапно и неудержимо обрушиться в никуда. Вот только в плане судьбы, составленном для Жана-Пьера де Вуази капризной богиней, эти последние капельки, судя по всему, замерзли на самом кончике ветви

древа жизни. Кума Смерть до сей поры все еще стыдилась постучаться в его дверь, и доживание превратилось для старика в нескончаемое испытание терпения.

Ему минуло 99 лет, и повидал де Вуази немало на своем веку.

Два крестовых похода короля Людовика. И во втором, что случился в 1270 году (в истории Крестовых походов седьмой по счету), юный барон де Вуази смог даже принять участие.

Помнил барон и 1275 год, когда искатель приключений Марко Поло отправился в далекий Китай и добрался до столицы Поднебесной. Помнил он 1302 год, когда папа Бонифаций VIII в своей булле «Цнат запсIII» объявил, что власть Церкви распространяется на весь мир. И уже через несколько лет эта самая Церковь сама сделалась рабой: в 1305 году король Франции Филипп IV, прозываемый Красивым, смог подчинить себе Престол святого Петра. Новый понтифик, Клемент V, был не просто обязан французскому королю властью, нет, он попал в полнейшую от него зависимость. И в 1309 году послушно перебрался со всеми своими кардиналами во французский Авиньон.

Помнил старый барон, к чему привела подобная унижительная зависимость Клемента V, — к делам постыдным и пугающим одновременно. Тамплиеры — рыцари и монахи могущественного ордена, смелые, презирающие смерть участники Крестовых походов, защищавшие жизни паломников, шедших в Святую землю, — под давлением короля Филиппа IV были объявлены Церковью еретиками, повинными в страшнейших грехах и богохульстве. Помнил старый барон, как 18 марта 1314 года взошел на костер последний великий магистр ордена Жак де Моле, взошел и проклял и короля, и папу.

Проклятия его много страданий принесли — и все это помнил старый барон.

Год 1349-й начинался мрачно. Возможно, станет он последним в жизни Жана-Пьера де Вуази. Успеет ли он поведать миру о том чуде, с которым ему довелось столкнуться?

В первый день наступившего нового года вся семья де Вуази — баронесса Матильда, вдова умершего внука барона, старика Амальрика де Вуази, ее дети и дед Жан-Пьер — вновь собралась у камина в большом зале родового замка.

Благородная вдова начала с того, что собрала семейство по важнейшему случаю — сообщить удивительную новость, уже взволновавшую всю Францию и пол-Европы.

— Вы только представьте, какую великую милость посылает нам Господь Всемогущий! — восторженно проговорила баронесса. — В одной из церквей в Лирее, что в Шампани, неподалеку от Труа, всего-то четыре сотни миль от нас, хранилась драгоценнейшая реликвия всего христианства. — Баронесса всплеснула руками и продолжила, подчеркивая важность каждого слова: — Плащаница, в которую был завернут снятый с креста Спаситель наш Иисус Христос, когда укладывали тело Его в каменную гробницу, из которой через три дня во славе восстал Он. Пелена эта чудом сохранилась до времен наших, долго скрываемая в потаенном месте. И вот некоторое время назад выставили ее на всеобщее обозрение в церкви Лирея.

Все присутствующие с удивлением покачали головами.

— Но самое удивительное то, — продолжала тем временем баронесса, — что на пелене из льна отчетливо виден оттиск тела Господа нашего Иисуса Христа. Все тело Его изранено во время пути к месту казни.

— Значит, эта плащаница схожа с той пеленой, которой святая Вероника утерла лицо Иисуса, покрытое потом и кровью? — спросила старшая дочь баронессы Жанна.

— Да, именно так, — ответствовала баронесса, — только эта плащаница находится не так далеко от нас, а пелена святой Вероники далеко, хранится в Риме и выставляется на всеобщий показ крайне редко. Я надеюсь, что очень скоро мы сами сможем увидеть плащаницу в Лирее.

— Но где же тогда находилась все эти века удивительная пелена? — не скрывая

скепсиса, спросил барон Жан-Пьер де Вуази. — И каким образом очутилась она в Лирее? И кто владеет ею?

— Святая плащаница, — объяснила баронесса, — принадлежит графу Жоффруа де Шарни. Откуда она у него, он предпочитает молчать. Или же отвечает, что пелену ему великодушно подарили. Вот только не говорит кто. Известно наверняка лишь одно: не так давно он писал письмо папе Клементу VI, в котором просил дозволения выставить плащаницу с отображением Господа нашего на людское обозрение. Папа тут же отправил из Авиньона в Лирей множество ученых мужей. Те проверили пелену, и вот плащаницу уже являют всем людям лирейским. Так что Лирей ныне сделался крупнейшим местом паломничества. Пилигримы со всех уголков Франции собираются в нем. Жоффруа де Шарни уже приказал чеканить памятные медали. Эти серебряные талеры изображают Иисуса, каким Его можно видеть на плащанице.

— Но отчего ж тогда не разъясняют, где граф держал до того эту плащаницу? — упрямо повторил свой вопрос Жан-Пьер де Вуази.

— Рассказывают, — произнесла баронесса, — что Жоффруа де Шарни получил пелену от францисканцев. А те обрели ее в свою очередь много десятилетий назад у одного из своих орденских братьев, некоего Гюго де Бульо.

— Гюго де Бульо? — прошептал барон Жан-Пьер де Вуази. — Да, я знал его в молодые мои годы... в Святой земле... — И проговорил уже во всеулышание: — Все верно, сей фрадере Гюго тогда странствовал по всему миру, всюду разыскивая древние реликвии. И многое нашел он, особенно в Святой земле. Неужели же Гюго разыскал истинную плащаницу Иисуса?

— Так ты знал его? Беседовал с ним? — вскинулся Жеро, старший в семействе, пятнадцатилетний мальчик с зелеными глазами и рыжими кудрями.

— Да, беседовал... — задумчиво отозвался барон и смолк. Лицо его несколько омрачилось. Баронесса продолжила свой рассказ:

— Неудивительно, что святая плащаница была отдана Гюго де Бульо и орденом францисканцев в Аирей. Граф Жоффруа де Шарни всегда покровительствовал ордену святого Франциска. А вот епископ Труа, Генри де Пуатье, отчего-то усомнился в подлинности реликвии. — Баронесса подалась вперед к своим слушателям. — Но на плащанице кровь, старая, древняя даже! И эта кровь бесценна, благодаря ей мы были спасены!

— А когда мы сможем увидеть плащаницу? — закричали дети баронессы.

— Весной, вероятно, ныне слишком холодно, — улыбнулась та.

— Фрадере Гюго де Бульо... — вновь прошептал Жан-Пьер де Вуази. — Неужели же он нашел плащаницу Иисуса? — И решительно произнес: — Я тоже отправляюсь с вами в Лирей...

— Но дедушка! — ахнула баронесса. — Это путешествие может стать погибельным для вас. Я боюсь, что вы не выдержите всех тягот пути!

— Дело решенное, я еду, — по голосу старца было ясно, что никаких возражений он не потерпит. — Я хочу увидеть лицо человека из Назарета — если, конечно, оно и в самом деле принадлежит ему...

В начале марта 1349 года семейство де Вуази отправилось в паломничество в Лирей.

Опираясь на плечо слуги, Жан-Пьер де Вуази вышел во двор замка. На нем был длиннополый темно-зеленый костюм пилигрима и плащ такого же цвета. Через левое плечо старика была перекинута кожаная сумка паломника, как то предписывали обычай и традиции: сума должна быть малой, а содержимое ее скудным, ибо в пути паломникам следует полагаться на милость Бога и возвращаться в родные края просветленными и освобожденными духовно и материально. Сума всегда должна быть открыта, дабы пилигрим

мог добровольно жертвовать. В правой руке старый барон держал посох пилигрима — можно было не только защищаться им от волков, змей, одичавших собак и прочих врагов, но и использовать его как третью ногу.

Много было прозваний у тех, кто отправлялся в паломничество: пилигримов в Святую землю называли «пальмиери», так как в той земле они могли сорвать себе пальмовую ветвь. «Перегрини» назывались те, кто отправлялся к гробу святого апостола Иакова, потому что они и в самом деле странствовали по чуждаемым краям, а не плыли на кораблях, как паломники в Палестину. «Ромеями» назывались странствующие в Рим.

«Ежели отправляешься ты в Иерусалим, носи пальмовую ветвь как символ твоего триумфа. Ежели отправился ты в Сантьяго к святому Иакову, то носи раковину как символ доброго твоего деяния», — говорила старая книжица паломников о специфических знаках, которыми пользовались пилигримы во время своих странствий. Один из таких знаков баронесса Матильда прикрепил на грудь старому де Вуази — экземпляр той самой медали с изображением плащаницы Лирейской, которую велел отчеканить граф Жоффруа де Шарни.

...На восьмой день своего паломничества еще затемно они приближались к желанной цели — Лирейскому собору.

Скромный свет ущербной луны и туман, стелющийся по земле, придавали окружающему их пейзажу — оголенным деревьям и пустым полям — вид несколько зловещий и диковатый. Небо в то утро, правда, было безоблачным, и, если повезет путникам, вскоре должно было появиться солнце.

То здесь, то там по дороге им встречались большие и маленькие группы пилигримов, пешком или в телегах тянущиеся к новому месту поклонения. Чем ближе становилась цель пути, тем более выросло количество пилигримов, со всех сторон доносились конское ржание, скрип телег и карет. На большинстве верующих были бесформенные темные плащи.

Площадь в Лирее, в центре которой возвышался собор, была уже переполнена. Жану-Пьеру де Вуази и членам его семейства пришлось выйти из кареты и продвигаться далее пешком. Двое слуг помогали старику.

Церковь еще была закрыта. Между пилигримами, то негромко шепчущими молитвы, то столь же негромко беседующими друг с другом, пробежал высокий и очень худой молодой монах-францисканец в развевающейся сутане. Пронзительным, голосом он оповестил толпу, что храм Божий вскоре откроют и людей сразу же допустят.

— Именем Спасителя, мужи и жены, высокородные господа и нищие, грешники и праведники... — раздался внезапно над площадью голос приора собора. — Вы пришли в Лирейские владения, дабы увидеть Того, на Кого снизошел свет горний, Свет Света, Кто стал нашим Спасителем и Исцелителем от скверны. Мы верили в него и были спасены Его кровью. Но никогда до сих пор не могли мы и мечтать о том, чтобы узреть его божественно-человеческий облик, истинный облик его, не описанный в четырех святых Евангелиях... — приор чуть понизил голос, что еще более возбудило волнение в людях. А потом продолжил: — Однако настало время! Мы можем видеть облик Богочеловека. Скрываемый столько столетий, Христос оставил нам свое отображение на плащанице. И вы пришли, чтобы узреть нашего Господа и Спасителя уже сейчас, в земной своей юдоли. Вы жертвовали многим, дни и ночи проводили в молитвах, постились, чтобы подготовиться к величайшим этим мгновениям. И вот все ближе ваша встреча с Господом Нашим в обличье человеческого, откройте же сердца ваши... Ибо нечто столь пугающе прекрасное заключено в том изображении...

У все еще закрытых церковных врат выстроились монахи-францисканцы с огромными корзинами, в которые они собирали дары и пожертвования паломников.

— Отдайте деньги ваши Христу, Богу вашему, ибо возлюбил Он радостных: и

великодушных: дарителей и благословит вас за пожертвования ваши, — кричали они пилигримам.

Наконец церковные врата медленно растворились. Поток людей хлынул внутрь дома Божьего. Горячее желание, волнение, ожидание того, что сейчас они увидят Бога, всасывали толпу в церковь, подобно гигантскому насосу. Лик Христа, которого они должны были сейчас увидеть, словно стрела тоски, вонзался в сердца пилигримов, и им казалось, что перешагивают они не каменный церковный порог, а незримый порог Царства Небесного.

Старый барон де Вуази приближался к освещенному несколькими дюжинами свечей алтарю, на котором лежала плащаница Иисуса. Глаза старого Жана-Пьера слезились и нещадно болели от яркого света, но он не обращал на это внимания. Барон уже видел слабые желтоватые контуры человеческого тела на пелене. Он прищурился и различил уже руки, ноги, плечи человека.

Но вот старик оказался прямо у алтаря и взглянул на реликвию через отшлифованный кристалл, что способствовал зоркости его зрения. Взгляд барона пробежался по оттиску обнаженного тела молодого человека. Руки прикрывали срамные места. На всем теле были следы множества ран, какие были у Иисуса Христа после бичевания. Видны были следы, оставленные ударами плетей на груди, рана от удара копья и кровь, стекавшая по запястьям пронзенных: рук и ногам. Наконец барон отважился взглянуть на лицо Распятого. Сначала увидел он лишь раны на лбу и голове, оставленные терновым венцом, раны, из кото рых когда-то тоже текла кровь, много крови. А потом Жан-Пьер де Вуази разглядел и черты убиенного, отпечатавшиеся на плащанице. Он видел закрытый рот, явно перебитый нос и закрытые глаза. Смотрел и впитывал в себя проникновенный образ героического терпения.

А потом глаза старика словно остекленели. Сейчас он мог слышать отчаянные удары своего сердца. Жан-Пьер де Вуази почувствовал, как слезы навернулись ему на глаза, ощутил жжение в горле. Барон, шатаясь, сделал еще один неверный шаг к плащанице, и внезапно ноги его подкосились. Он рухнул на колени и зажмурился. Старик не хотел открывать глаза. Нет, не хотел. И все же решился. «Нет-нет, сие невозможно», — подумал старец. И все же он знал, что рассудок его в этот момент совершенно ясен.

Затаив дыхание, Жан-Пьер де Вуази смотрел на плащаницу. Внезапно все вокруг него поплыло, потемнело. Мрак смыкался вокруг него, и только лик на плащанице сиял, поглощал старика, глаза которого подернулись пеленой слез и воспоминаний. Потому что де Вуази **вспомнил...**

Все начиналось с легенды. Легендой, собственно, и является сама плащаница Иисуса.

Для беспристрастного наблюдателя это кусок древнего полотна чуть больше четырех метров в длину и метра в ширину. И на этой древней ткани неведомым образом, будоража фантазию людей уже который век подряд, запечатлена обнаженная мужская фигура в полный рост. Кто этот человек? И откуда взялась она, погребальная пелена? Неужели она и в самом деле принадлежит Иисусу Христу? Католическая церковь очень настороженно относится к плащанице. Официально ее все-таки признали — но не реликвией, а... иконой, приводящей людей к вере. Хитро придумано, не правда ли?

Как сказал папа Иоанн Павел II на выставке плащаницы Иисуса в Турине 24 мая 1998 года, она бросает вызов нашему интеллекту. Ее таинственное свечение подобно свету исторического лица Иисуса из Назарета. Церковь не может взять смелость разгадать загадки плащаницы и предоставляет сделать это науке. Но ведь в науке работают люди, разные люди. Некоторые из них независимы духовно, а другим безразличны чувства их более верующих собратьев. Наука может ошибаться, потому что людям свойственно делать шокирующие предположения и совершать ошибки. Тем более когда на изучение предоставляется символ древний и загадочный.

Так что же такое плащаница Иисуса?

Глава первая. Символ древнего «ксерокса»

Все начиналось с легенды. Сначала была легенда евангельская. В Евангелии от Иоанна говорится, что погибшего на кресте Иисуса Христа «Иосиф из Ари-мафеи — ученик Иисуса, но тайный из страха от иудеев, — просил Пилата, чтобы снять тело Иисуса. И Пилат позволил. Он пришел и снял тело Иисуса. Пришел также и Никодим, приходивший прежде к Иисусу ночью, и принес состав из смирны и алая, литр около ста. Итак, они взяли Тело Иисуса и обвинили его пеленами с благовониями, как обыкновенно погребают иудеи. На том месте, где Он распят, был сад, а в саду новый гроб, в который еще никто не был положен. Там положили Иисуса ради пятницы иудейской, потому что гроб был близко» (19:38-42).

Наука будет права, если усомнится сразу же. Дело в том, что у иудеев не было обычая вымачивать пелены в благовониях перед тем, как завернуть в них покойника. А в Евангелии упоминается сто литров смирны — очень большое количество благовоний. Обычай же употреблять благовония существовал у египтян.

Завернутый в пелены погребальные, Иисус воскресает в ночь с субботы на воскресенье. Затемно Мария Магдалина отправляется к могиле Иисуса Христа и узнает о его воскресении из мертвых. Именно она сообщает остальным ученикам о чуде. В Евангелии от Иоанна сказано: «Тотчас вышел Петр и другой ученик, и пошли ко гробу. Они побежали оба вместе, но Иоанн бежал скорее Петра и пришел ко гробу первый. И, наклонившись, увидел лежащие пелены, но не вошел туда, где был похоронен Иисус. Вслед за ним приходит Симон Петр, входит во гроб и видит только одни пелены лежащие и плат, который был на голове Его, но особо свитый на другом месте» (20:3-7).

Закройте Евангелие от Иоанна и откройте текст другого канонического труда — уже от Луки (24:12). И этот апостол упоминает о «пеленах лежащих». Так что в библейской легенде плащаница была. Причем ее присутствие в текстах Евангелий несколько не противоречит иудейским традициям.

Когда пеленами покрывают тело Иова, упоминаются они и у Иезекииля (16:4). В иудейском культе для погребения умерших использовали два куска материи. Один был длинный, для заматывания всего корпуса и ног, и назывался «синдон». В переводе «синдон» означает... «плащаница» или «пелены». Вторым укрывали лицо покойного, он назывался «судбрь» или «сударион» — плат для утирания кровавого пота. Надо заметить, что этот плат, покрывавший голову Иисуса, хранится в Испании, в Овьедо.

Подлинность этой реликвии никогда не ставилась под сомнение. Согласно летописным данным, до завоевания Иерусалима в 614 году персидским шахом Хосроем сударион хранился в Святом Городе. Затем реликвию перевезли в Александрию. По мере продвижения мусульман по Сирии и Египту ее увозили все дальше, и наконец плат оказался в Испании на попечении епископа Толедо. И вот что характерно, тут даже наука не возражает: нити, из которых соткан

плат, имеют тот же тип скручивания, что и нити плащаницы Иисуса. Наука установила 120 совпадений в расположении пятен крови на плате из Овьедо и Туринской плащанице.

Но это не все упоминания плащаницы в Евангелиях. Матфей пишет: «Взяв Тело Иисуса, Иосиф Аримафейский обвил его чистой плащаницей» (27:59).

Наука может усомниться: зачем апостолам, увидевшим воскресшего Учителя, какие-то погребальные свивальники, да еще вымоченные в алоэ и смирне? К тому же, добавит наука, прикосновение к ритуальным одеждам покойника оскверняло верующего иудея, делало его нечистым и, согласно библейскому законодательству, лишало на время возможности общаться с единоверцами. Так написано и в Числах, и в Левите, и у Иезекииля. Наука может добавить, что последователи Иисуса были правоверными иудеями.

А перед нами все та же легенда. Легенда трагической гибели и чудесного воскресения. Согласно евангельскому рассказу, само погребение Иисуса Христа вызвало переполох среди книжников и фарисеев, которые побежали к местным властям, чтобы предупредить о возможном подвохе со стороны апостолов, требуя стражи для гроба Иисуса (Евангелие от Матфея, 27:62-66). Так что можно представить, какое волнение вызвала бы весть о воскрешении Христа. Апостолы не смогли бы исполнить библейские предписания не прикасаться к погребальным пеленам. Прикоснулись, унесли, чтобы слухи не дошли до местных властей. Тем паче что пелены эти они могли считать священными, но отнюдь не с тела покойного — ведь их Учитель воскрес.

О плащанице же вроде бы замолчали...

Но людям нужны реликвии!

Продолжение легенды о плащанице

В Рэде был ярмарочный день. И стар и млад устремился со всех ног на базарную площадь. Совсем юный еще Жан-Пьер де Вуази с интересом посматривал на фокусы бродячих жонглеров. Толпа в восторге хлопала в ладоши и улюлюкала. Люди барона следили за пестрой рыночной сумятицей. Огромное количество нищенок за полоняло в такие дни базарную площадь и весь городок Рэде, многие с детишками на руках. Правую руку они вытягивали, прося подаяния, и жалобно молили о сострадании.

По одежде в Жане-Пьере де Вуази и его кузенах мигом признали господ и почтительно уступали дорогу. И только три бродячие вагантки заступили им путь. Одна из комедианток казалась слегка потрепанной райской птахой, порастерявшей былое величие на опасных дорогах человеческого мира.

— *Посмею ли я предсказать судьбу высокородному господину?* — спросила она Жана-Пьера.

— *Отчего же нет? Предсказывай!* — хмыкнул баронский сынок, слегка одурманенный выпитым красным вином. Его кузены вложили несколько медяков в протянутую руку комедиантки.

— *И я могу честно открыть вам даже плохую судьбу, боль и страдания? Или же вы ничего не пожелаете узнать о темных сторонах вашей будущей дороги жизни?* — спросила бродячая предсказательница.

Облачко неуверенности мелькнуло по беззаботному лицу Жана-Пьера, но он тут же бросил на гадалку гордый, надменный взгляд.

— *Я не боюсь судьбы,* — возразил он.

— *Хорошо! Хорошо!* — улыбнулась гадалка. — *Многие говорят смело и высокомерно, а потом дрожат, когда все им откроется.*

Жан-Пьер шумно вздохнул в гневе:

— Да как ты смеешь говорить со мной так, женщина? Перед тобой рыцарь!

Несмотря на свои слова, юный сын аристократа чувствовал себя неуютно. И только присутствие двух кузенов мешало ему отступить.

— Силы космоса мощным потоком устремятся на землю, я чувствую их сегодня особенно остро, — пронзительным голосом произнесла вагантка. — В этот самый момент мы находимся под светлым благословляющим лучом Черной Сары, покровительницы всего странствующего люда. Чувствуешь, благородный господин, как ее сила изливается на нас?

Мужчины молчали, не зная, кто эта святая, прозываемая Черной Сарой, а женщина таинственно улыбалась. Затем она схватила правую руку Жана-Пьера, внимательно, даже жадно взгляделась в ладонь и наконец продолжила, пропевая все слова звенящим голосом:

— Я вижу дальнюю дорогу перед тобой, благородный господин, исполненную заблуждений и познания, долгий путь, что приведет тебя сначала в неведомые земли и к чужим людям и народам, а позднее на долгие одинокие годы — в царство души и призраков. Но я вижу, что, несмотря на все удары судьбы, все идет по божественному, predeterminedенному плану. Твой долгий путь описывает огромные кульбиты, которые в конце приведут к тому, кто определял все повороты твоей судьбы.

«Кто определял все повороты твоей судьбы...» Что же могут значить эти таинственные и темные слова?

— Все, что с тобой случится, уже предсказано. Но тех, кто predeterminedил все повороты твоей судьбы, ты потеряешь... И лишь в конце жизни поймешь, что был свидетелем чуда...

Людам нужны реликвии!

Первые последователи Христа молились своему Богу «в Духе и в Истине», как написано в Евангелии от Иоанна (4:23-24). Они «поют Христу, как Богу», заметил Плиний Младший. До III века у христиан не было ничего, никаких обрядов и предметов поклонения — только крещение в воде и возложение рук. Церковные власти того времени не выносили еще театральщины. Целый ряд церковных авторитетов — Тертуллиан, Ириней Лионский, Юстин Мученик-Философ — громогласно заявляли, что христианской вере не нужны зримые предметы поклонения. Но близилась эпоха Средневековья. Эпоха, когда чудо должно стать вещественным.

Люди Средневековья мыслили иначе, ими владели иные фантазии, и верили они тоже совершенно иначе, нежели первые христиане или же мы с вами. Те люди нуждались в моральной опоре. И находили ее во всевозможных реликвиях, старались повсюду изыскивать, хранить и почитать вещи, относимые к временам Христа или же эпохе первых апостолов. Тогда Бог становился чуть ближе, чуть более реален.

Средневековье буквально все пропитано верой в чудесное. Подобно тому как индейцы охотились на скальпы белых людей, в Средневековье охотились на реликвии. Впрочем, реликвии далеко не всегда были достойными доверия. Существовало огромное количество «кусочков креста», на котором распяли Иисуса. И если сложить их все вместе, получилось бы самое малое три огромных распятия. Точно так же дела обстоят и с «гвоздями», которыми прибавали Иисуса к кресту, с «терновым венцом», надетым на его голову, «яслями из хлева Вифлеемского». Существовали даже «пеленки младенца Иисуса», «губка», которую подносили к губам распятого Христа.

Особенно забавными кажутся «молочные зубы» Иоанна Крестителя, выставляемые в Венском Хофбурге, или слегка подсохшие капли «молока Девы Марии», а также «перо из крыла архангела Михаила», демонстрируемое Католической церковью. Мусульманские торговцы Средневековья быстро смекнули, что именно ищут в Святой земле крестоносцы и паломники: контакта с эпохой, в которую жил и действовал Иисус Христос. А потому с великой радостью мошенники торговали «святым товаром» — всевозможными реликвиями. То, что одновременно появилось несколько копий Лонгина и чаш Христа, приводило к смущению и совсем не святым ссорам между христианскими общинами, приходами и целыми городами, но в самом факте преклонения перед реликвиями ничего не меняло.

В результате в церквях Востока и Запада накопилось 30 «туловищ святого Григория», 18 «голов святого Филиппа», 2 «туловища святой Анны», 8 «голов», по 6 «рук и ног святого Андрея Первозванного». С VI столетия церковники начали обретать «головы Иоанна Крестителя» и выставлять их на поклонение. Таким образом накопилось 7 «подлинных голов» Крестителя.

И даже сегодня, в начале XXI века, «кусочки» некоторых святых все еще развозятся и демонстрируются по всему земному шару.

В принципе, в столь сильном интересе к реликвиям виновата святая Елена, мать римского императора Константина. Если уж на то пошло, именно Константин является настоящим основоположником сегодняшнего христианства. Именно он в 325 году созвал знаменитый Никейский собор. Многие решения — ив том числе по вопросу, был ли Иисус богом или человеком, — принятые на соборе, диктовались императором. И это при том, что сам Константин на протяжении всей своей жизни не считал себя христианином, а исправно поклонялся культу бога Солнца. Только на смертном одре он принял крещение по христианскому обряду, скорее всего, для «подстраховки» в загробном мире.

Его мать, однако, довольно рано перешла в христианскую веру. Елена была одержима очень странной идеей: более чем через триста лет после Рождества Христова и через двести лет после страшного разрушения Иерусалима она повсюду искала вещественные доказательства существования Иисуса. Мать императора посылала целые поисковые экспедиции, которые всюду искали то, что наказала им святая Елена: место распятия и в нескольких метрах от него «гроб Господень», крест с надписью «Иисус, царь Иудейский» и даже место в пустыне Синайской, где росла неопалимая купина Моисея. Сегодня в этом самом месте все еще возвышаются стены монастыря Святой Екатерины, а к «гробу Господню» ежегодно съезжаются миллионы людей, убежденных в том, что это и есть то самое место, куда Иисус вернулся спустя три дня из царства мертвых. Но все это, тем не менее весьма сомнительно.

Впрочем, для людей эпохи Средневековья все реликвии и священные места значили куда больше, чем для нас сегодняшних. Эмма Юнг исследовала, сколь глубинное значение имела для средневековых людей идея кровавых реликвий Иисуса. В его крови видели «душу», свидетельство божественности. Безграничные целительные силы и удивительное взаимопонимание с Богом — все это тоже «отражалось» в крови Иисуса.

В Средневековье все было еще более однозначным. Верующим была необходима их «тайна». Например, плащаница Иисуса. Их стало появляться множество — и в недрах византийского православия, и в недрах Римско-католической церкви. Плащаницы прочно вошли в культовую практику. Так, в Страстную пятницу, за два дня до праздника Пасхи, во всех православных и католических церквях проводится специальное богослужение: «погребают» умершего Иисуса Христа и выставляют его плащаницу для поклонения. У Православной церкви плащаницы в обязательном порядке имеются в каждом храме. Это иконописное изображение на специально уплотненном льняном полотне: на такой плащанице изображены лежащий во гробе Иисус Христос, а вокруг погребенного — Богородица, Мария Магдалина, Иосиф Аримафейский, Никодим и апостол Иоанн.

Но нам с вами придется иметь дело с другими «ксероксами» великого символа.

Плащаницы и еще раз плащаницы

Наука выносит свой вердикт сомнения. Для науки плащаница появилась неизвестно как и откуда во второй половине XIV века во Франции. Наука недоумевает, где же плащаница могла находиться до того? Каким образом появилась из небытия? Если плащаница действительно подлинная, где же она пребывала целых тринадцать веков после распятия Иисуса? И почему первым христианами она не являлась?

Плащаницы появлялись довольно часто. И даже почитались христианами как реликвии начиная с V века. В 570 году в своем рассказе о паломничестве в Святую землю неизвестный пилигрим писал, что «возле реки Иордан в пещере Завета видел пелену, которой была покрыта голова положенного во гроб Иисуса Христа». Ровно через сто лет, в 670 году, еще один паломник будет свидетельствовать о том, что в одной из иерусалимских церквей ему показали полотно длиной восемь футов, «в которое было завернуто тело Иисуса Христа, когда его полагали во гроб». В VII веке то же самое полотно в Иерусалиме увидит франкский епископ.

Во Франции, в Компьени, хранилась своя плащаница. Ее приобрел в конце VIII века император Карл Великий (742—814), и она, возможно, сохранилась бы по сию пору, считаясь великой святыней, если бы не Великая французская революция 1789 года. Французскими революционерам хотелось разрушать и уничтожать, отрицая. Плащаница была уничтожена...

«Номинантов на роль плащаницы» ранним христианами было известно самое малое 40 штук. И 26 из них называют более или менее достоверными. Удивительного, собственно говоря, в этом ничего нет. Пелена становилась символом — символом-свидетелем страданий и символом веры. Одна из легенд гласит, что погребальные одежды воскресшего Иисуса Христа взяла жена Пилата и «положила в место, известное только ей». Вот в таких-то местах первые христианские церковники и «обретали» затем плащаницы.

Когда заговаривают о голове или лице Христа, сразу же на ум приходит так называемая «плащаница, или плат Вероники», «vera icona», истинное отображение Иисуса, о котором рассказывается в Новом Завете. Оно, в отличие от Туринской плащаницы, появилось до Крестовых походов. Ранние христиане вновь и вновь рассказывали об этом изображении.

По легенде, Иисуса Христа, несущего свой тяжелый крест на Голгофу, сопровождало «великое множество народа и женщин, которые рыдали и плакали о нем» (Лука, 23:27; Иоанн, 19:16-17). Среди них была сердобольная Вероника. Она увидела, что на лице Иисуса выступил пот, и вытерла ему лицо своим платком. На ее платке осталось изображение лица Спасителя. Легенда легендой, но только немногим известно, что магическая плащаница существует в действительности и точно так же, как Туринская, подвергалась научному изучению. Должна же наука хоть как-то объяснять чудеса!

Речь идет об известном образе на тонкой пелене, так называемом Вольто-Санто из Маноппелло у Пескары на юге Италии. Этот образ на пелене обладает совершенно загадочными свойствами, ибо он не нарисован и не соткан, что уже подтвердили проведенные в наше время научные исследования. Не было найдено ни ткацких ниток, ни малейшего элемента красящих веществ, даже при максимальном увеличении и при тестировании ультрафиолетовыми лучами! Просто нет никаких материальных, реальных красящих веществ, а образ есть! Тончайшая пелена, и на ней совершенно отчетливое изображение мужского лица, вернее, головы.

Был ли этот образ выткан ткачами-чудодеями? Нет! Совершенно непонятно, откуда взялось данное изображение. Ученые даже не знают, как вообще была изготовлена подобная — наитончайшая — пелена.

И что еще поразительней: лик на этой пелене абсолютно идентичен тому, что на

Туринской плащанице Иисуса, — деталь за деталью образы совпадают друг с другом. Оба лика похожи, и даже кровоподтеки ничем не отличаются.

Некоторые историки считают, что Вольто-Санто из Маноппелло идентично чудесному лику из Камулиане в Каппадокии (Малая Азия), о котором рассказывается в древних текстах. Он тоже возник совершенно необычным образом, а в двух сказаниях, в которых в IV и V веках нашей эры упоминалось о нем, всякий раз огромную роль в его появлении играет вода. Вода и святые очень близки в том, что касается различных чудес и явлений, но ведь здесь речь идет о лике Спасителя.

Пелена из Камулиане стала быстро известна по всей Малой Азии и в других местах, к ней потянулись паломники. В 574 году торжественная процессия доставила пелену в Константинополь. Святой образ стал оберегом Византийской империи, его брали в военные походы, где он должен был поднимать боевой дух в войсках. А в VIII столетии след Вольто-Санто теряется... чтобы в 1506 году совершенно внезапно вновь появиться в Маноппелло, причем крайне таинственным образом: некий неизвестный передал узелок местному врачу. С тех пор пелена Вольто-Санто выставляется в местном монастыре капуцинов.

Впрочем, Константинополю повезло: в 944 году сюда доставили еще один священный плат Иисуса.

Святыня-оберег царя Абгара

В Средние века больше всего святынь находилось не в Риме, а в Византии — в Константинополе. Если более точно, в Фаросской часовне византийских императоров. В 1204 году воины-крестоносцы, истовые христиане, ворвались в сердце Византии вместо того, чтобы защищать от неверных Святые земли. Французский рыцарь Робер де Клари, впоследствии прославленный мемуарист, обошел соборы горящего в огне Константинополя. И собственными глазами увидел сидуан (пелену), в который было обернуто «тело Господа нашего»...

Это была плащаница из Эдессы. Именно по случаю ее переноса в Константинополь в 944 году референдарий Григорий произнес пламенную речь. Референдарий оказался человеком науки: более всего на свете его интересовало, какими средствами («какими красотами написано») «сверхъестественное изображение». Глядя на плащаницу из Эдессы, референдарий Григорий сразу же понял, что «искусство живописи» здесь ни при чем. «Это изображение — да будет каждый вдохновлен сим рассказом! — запечатлено только потом предсмертного борения на живоначалном лике, потом, стекающим как сгустки крови, и перстом Божиим».

Под его пылкую речь 16 августа 944 года на исходе дня пелена была внесена во дворец, в главный зал — Золотой Триклиний, и помещена на троне, где император обычно принимал самые важные решения. Над тронном сверкала мозаика с фигурой Христа, восседающего на престоле. А референдарий Григорий пылко восклицал: «О, Совершенный Сын Совершенного Отца, Слово, Премудрость, Отпечаток, Изображение... взгляни на венец, который благочестие царя возложило на лик Твоего изображения...»

Так что же это был за лик?

Священный Эдесский мандилион

Это кусок полотна, на котором чудесным образом был запечатлен лик Иисуса. С самого появления мандилиона его называют нерукотворным (греч. *acheiropoietos*). Это и легенда, и символ.

Впервые мандилион появился в городе Эдесса. О мандилионе в 590-е годы упоминает церковный историк Евагрий Схоластик (537 — ок. 600). Антиохийский правовед отличался вообще наиредчайшей беспристрастностью. В своей весьма авторитетной «Церковной истории» Евагрий повествует о чудотворном могуществе мандилиона, проявившемся при отражении нападения персидского войска в 540 году. Легенда связывала эту ткань с именем царя Эдессы Абгара V (в русской традиции Абгара называют Авгарь).

Царь Абгар был современником Иисуса Христа. И не просто современником. Именно он написал Христу письмо с просьбой отправиться в Эдессу — царь страдал от тяжелого недуга, и только Иисус был способен излечить его. Отправься Иисус в Эдессу, и история христианства могла повернуться совсем иначе... Но это из области альтернативной истории, мы же вернемся к легенде. А далее легенда расходится на два варианта. Предчувствуя скорый арест и казнь, Иисус не смог уйти в Эдессу. А потому благословил изображение появиться на полотенце, которым и обтер свое лицо, после чего отправил это исцеляющее изображение царю Абгару V.

Второй вариант легенды гласит, что Христос молился в Гефсиманском саду и, когда утер кровавый пот, образ его появился на полотне. Уже после гибели и воскрешения Иисуса апостол Фаддей доставил плену-мандилион в Эдессу, чтобы чудодейственная ткань исцелила Абгара. Сам царь поверил в Иисуса, а вот его потомки (более крепкие здоровьем) так и остались язычниками.

Мандилион до поры до времени укрыли в тайном месте: замуровали в нише стены у городских ворот. Ровно пятьсот лет реликвия пролежала в тайнике. А потом, в 525 году, в Эдессе случилось страшнейшее наводнение, стену подмыло, пришлось ее перестраивать — так открылся мандилион. Ровно через пятнадцать лет мандилион спас город от персов. В Эдессе мандилион считали величайшей святыней, не позволяя снимать с него копии и не выставляя публично.

Более того, когда Эдесса оказалась захваченной врагами, для освобождения мандилиона был предпринят военный поход. Вплоть до 944 года мандилион хранился в городе. А потом силой, несмотря на страшное возмущение эдесских горожан, мандилион увезли в Константинополь и поместили в громадное собрание святынь Фаросской часовни. Его тоже хранили практически в тайне. Видеть мандилион могли только император и его почетные гости. Делать с мандилиона копии императоры Византии не позволяли.

Мандилион когда-то поразил воображение императора Константина. Впечатления императора сохранил для истории писарь. В узком кругу, при свечах, Константин велел развернуть мандилион. Главной неожиданностью для императора оказалось то, что образ был монохромным, а не цветным, как он предполагал. Изображение было не совсем четким, некоторые вообще ничего не могли разглядеть на мандилионе. И лишь отойдя на несколько шагов, на пелене можно было различить лик Спасителя. В одном манускрипте XII столетия было обнаружено изображение сцены поклонения императора перед развернутым святым мандилионом. Примечательно то, что в развернутом виде размеры данного мандилиона были соотносимы с размерами плащаницы Христа: его держат два человека, чтобы он не касался земли.

И вот наступил 1204-й, роковой для Константинополя год. Крестоносцы разгромили город.

Мандилион — плащаница Иисуса — исчез.

Погиб ли он в пожаре или же сделался трофеем какого-нибудь крестоносца?.. Некий «комплект» погребальных одежд Иисуса Христа также находился в Антиохии. В 1098 году крестоносцы увезли его с собой во Францию. По странному стечению обстоятельств они словно «охотились» именно за плащаницами. Ох уж эти Крестовые походы...

Продолжение легенды о плащанице

Семейство совсем молодого тогда еще Жана-Пьера де Вуази каждое воскресенье проделывало путь до церкви Св. Магдалины в Рэде. Барон Пьер III де Вуази и его супруга Женовефа выступали первыми. В этот день баронесса непременно надевала на себя зеленое платье с белыми кружевами. На голове ее всегда сиял позолоченный серебряный обруч, скромная копия ее свадебной диадемы. К обручу прикреплялся прозрачный шелковый платок, укрывавший волосы баронессы.

Сам Жан-Пьер всегда следовал в паре с братом Жилем, его женой и маленьким сыном. По дороге де Вуази они ни слова не произнесли друг с другом, только приветствовали стоящих вдоль дороги горожан. В церкви семейство баронов садилось на семейные скамьи на хорах. Отсюда все было превосходно видно: и проповедника, и алтарь.

В то воскресное утро в церкви ожидали легата святого престола во Франции, кардинала Одо де Шатеруа, вместе с королем Людовиком начавшего подготовку к новому Крестовому походу и теперь проповедовавшего по всему королевству.

Юный Жан-Пьер де Вуази отлично знал историю всех шести предыдущих Крестовых походов. Он знал все об этих «святых предприятиях», начиная с первого, объявленного 27 ноября 1095 года.

Это был морозный солнечный день. Свыше ста тысяч людей, как сообщал автор одной из хроник, собрались в тот день на большом поле у ворот французского города Клермон, чтобы услышать слова верховного понтифика. Папа Урбан II занял место на подиуме, окруженный архиепископами, епископами и аббатами, вместе с которыми он прибыл на консилиум в Клермон.

И вот папа Урбан II поднялся со своего трона на возвышении и начал проповедь. Папа говорил о неверных — мусульманах, заплонивших Святую землю, завоевавших и обездоливших ее, тиранящих тамошних восточных христиан и усложняющих жизнь пилигримов из Европы. Папа призвал христиан Запада выйти в поход, чтобы спасти христианство на Востоке. Каждый, кто еще в силах, должен был выступить в начале лета в поход. Сам Господь Бог поведет крестоносцев вместе с сонмом ангелов и святых, заверил слушателей Урбан II. Каждый, кто будет смело биться за святое дело, получит прощение и отпущение всех грехов. Речь Урбана зажигала, воспаляла умы. «Deus lo volt! — Так хочет Господь!» — кричали сотни глоток, восторженно воспринимая слова папы.

Все знали печальное положение христиан в Святой земле. Иерусалим и Сирия были захвачены турками-сельджуками, действительно сурово относившимися к восточным христианам и опасными для западных пилигримов. Уже во времена папы Григория VII (1073 — 1085) созрел план помощи своим братьям по вере, воспользовавшись воссоединением греческого христианства с Католической церковью, с 1054 года находившегося в расколе (схизме) с Римом.

Так что неудивительно, что призыву папы Урбана II последовали тысячи людей из самых разных стран Европы. Под руководством Боэмунда Тарентского, Готфрида Бульонского, Раймона Тулузского, Роберта Фландрского и Болдуина I Булонского армии крестоносцев и, прежде всего французских и лотарингских рыцарей, а также норманнов из Франции и Южной

Италии в августе 1096 года отправились в направлении Византии, чтобы заручиться поддержкой Восточной христианской церкви.

В Византии крестоносцев принял император Алексей I Комнин, однако император-схизматик очень сильно постарался, чтобы импозантная орда «борцов за веру» как можно скорее покинула пределы Византии. На пути в Иерусалим через Антиохию крестоносцы попали в ловушку турков-сельджуков, но мусульмане были побеждены. И вот 15 июля 1099 года крестоносцам удалось после четырехнедельной осады взять Иерусалим.

В Святом городе смерти и воскрешения Христа было основано христианское королевство, мирским главой которого был избран Готфрид Бульонский, герцог Нижней Лотарингии. Из скромности он принял титул «Наместника Гроба Господня». Вскоре часть крестоносцев вернулась на родину. Те же, что остались в Святой земле, ориентировались в Иерусалиме на европейские образцы, создавая из него государство, подобное мелким герцогствам. Во время Второго крестового похода были основаны княжество Антиохийское и королевство Кипрское.

Но вот в 1187 году над христианским Иерусалимским королевством разразилась беда: город был захвачен султаном Саладином. Понадобился еще один Крестовый поход. Сначала совместными действиями королей Англии и Франции был отвоеван город Аккон. В результате мирного договора с султаном христианам даже дали право на безопасные паломничества в Иерусалим. Но без помощи Византии крестоносцы были не в состоянии вернуть себе Святой город. И Четвертый крестовый поход обернулся уже против Константинополя.

Только Пятый крестовый поход, в который в 1228 году отправился Фридрих II, дал католическому христианству возможность вернуть Иерусалим. В городе крестоносцев Сен-Жан д'Акре Фридрих II встретился для переговоров с египетским султаном Аль-Камилем, и тот без боя передал Иерусалим императору Священной Римской империи. Мирный договор был подписан на десять лет. Император Священной Римской империи гарантировал мусульманам свободный доступ в мечети и их собственные места паломничества. Сам Фридрих женился на дочери-наследнице короля Иерусалимского и в 1229 году сам был коронован иерусалимской короной.

Кто только не принимал участия в Крестовых походах на протяжении целого столетия: и император Фридрих I Барбаросса, и французский король Филипп II Август, дед короля Людовика IX, и английский король Ричард I Львиное Сердце. Но в 1244 году мусульмане вновь завоевали Иерусалим.

В подобной ситуации французский король Людовик IX отважился уже на Шестой крестовый поход. В конце августа 1248 года король с двадцатипяти тысячной армией отплыл на Кипр, передав бразды правления в руки своей матери, королевы Бланки. Вместе с королем отправился и старший брат Жана-Пьера де Вуази, девятнадцатилетний Пьер.

После того как королевское воинство перезимовало на Кипре, оно высадилось в Египте 5 июня 1249 года и на следующий день завоевало Дамьетту. Нападение на Каир весной 1250 года окончилось катастрофой: король Людовик IX вместе со всей своей армией оказался в плену и вернул свободу высокой ценой: непомерными откупными и передачей Дамьетты. Униженная армия отбыла в Сен-Жан д'Акру, последний из городов крестоносцев в Святой земле.

Четыре года король Людовик IX провел в Святой земле. И только весной 1254 года он вернулся во Францию. Вскоре после прибытия флота крестоносцев на родину родители Жана-Пьера узнали, что их старший сын скончался сразу после отбытия из Аккона. Горе де Вуази было ужасно. Отец Жана-Пьера «бежал» в науки, собрав всю доступную литературу о все тех же Крестовых походах. Это был его способ пережить утрату сына.

Барон Пьер III де Вуази долгие годы внимательно изучал все рисунки и все эскизы ландшафта, корабли и битвы, описанные в книгах и свитках, и наиточнейшим образом

подсчитал количество солдат и оружия, деньги и пожертвования, отпущенные на каждый крестовый поход. Он даже постарался проверить все письменно зафиксированные воспоминания отдельных крестоносцев. Он стал самым настоящим экспертом истории Крестовых походов.

Больше всего барона интересовала теологическая обоснованность походов, о которой говорили папы и святые, например знаменитый Бернар Клервосский. Изучая все эти труды, барон сделался решительным противником всего «предприятия». И не потому, что испытывал симпатию к мусульманской религии и магометанам — они были ему чужды, — а оттого, что не понимал, почему католическое христианство, верное папе римскому, должно идти на такие кровавые жертвы ради христиан в Святой земле, которые все поголовно были еретиками и схизматиками.

А вот на юного Жана-Пьера книги из библиотеки отца, посвященные Крестовым походам, производили иное впечатление. В его фантазии дороги Святой земли были усыпаны золотом и драгоценными камнями. В библиотеке отца отыскалась «Chronica majora» Матфея Парсиянина с изображениями слонов. И Восток окончательно покорила молодого де Вуази.

По всей видимости, Восток не оставлял и ум короля Людовика IX. Наконец король решил еще на один поход. Его призыв достиг Рэде и ушей юного Жана-Пьера де Вуази.

Глава вторая. Крестоносные легенды Средневековья

Наука предлагает нам задуматься над вопросом: каким именно путем плащаница Иисуса могла попасть во Францию после захвата и разграбления Константинополя в 1204 году? Может, к этому причастны тамплиеры? Ведь их след наука видит повсюду.

Это могло бы быть правдой, если бы не одно существенное «но». Тамплиеры не принимали участия ни в каких действиях во время Четвертого крестового похода. Не грабили Константинополь, не поджигали великолепные дворцы — ничего «крестоносного» не делали. Впрочем, одна легенда-версия в Средневековье все-таки сохранилась. Легенда может быть названа «Спасение одной императрицы и одной плащаницы».

Прекрасная дама была вдовой. Причем вдовой пускай и свергнутого, но все-таки византийского императора Исаака II Ангела. Впрочем, в своем свержении тот был повинен сам. Он слишком беспринципно плел интриги и страстно предавался роскоши и оргиям. Как писал византийский хронист Никита Хониат, «каждый его пир представлял собой горы хлеба, царство зверей, море рыб и океан вина». Собственный брат ослепил его и заточил в башне.

Вдова Исаака, Мария-Мargarита Венгерская, происходившая из знатного франкского рода, имела связи с предводителями крестового похода. Вдова действительно была задета свержением мужа-императора... Именно свержение Исаака II Ангела повлекло за собой падение Константинополя. Прекрасная вдова едва не погибла в пожаре, но тамплиерам удалось спасти ее. И уже через месяц после разгрома столицы Византийской империи Мария-Мargarита вышла замуж за руководителя Четвертого крестового похода Бонифация Монферратского, с которым уехала в Грецию.

Вы спросите: как связаны вдова и плащаница-мандилион? Дело в том, что, по предположению историков, мандилион Мария-Мargarита увезла с собой. А впоследствии «расплатилась» им с тамплиерами за собственное спасение.

Это всего лишь легенда и гипотеза о судьбе реликвии. Но в одном все совпадает: у рыцарей-тамплиеров действительно была плащаница.

Плащаница Христа и тамплиеры

«Опять они!» — может воскликнуть читатель и будет совершенно прав. Создается впечатление, что без рыцарей-тамплиеров в Средние века вообще ничего не обходилось. Они и в самом деле были вездесущи. Такие фильмы, как голливудское шоу «Завет тамплиеров», окутывают монашествующих воинов-храмовников пеленой ужаса и всевозможных мистификаций. Они и черные маги, и разбойники с большой дороги, и шпионы-профессионалы, и секта заговорщиков. Что из этого правда, что выдумка? Не в рамках данной книги судить об этом. Весьма интересны другие странности, можно сказать, тамплиерски-мистические.

Они достигли своего апогея в год 1119-й. Скромный дворянин Гуго де Пайен вместе с Готтфридом Сант-Омером и кучкой верных последователей отправляются в Иерусалим. Кем были эти люди — рыцарей шесть или семь, — не совсем понятно. Считается, что вместе с ними в Святую землю отправился Андре де Монбард (дядя Бернара Клервосского, к тому времени святого). Далее называют имена Нивара де Монтдидье, Аршамбо де Сант-Амана, Жоффруа Бизола, Гюго Риго и двух монахов-цистерцианцев — Конрака и Гундемара.

Прибыв в Иерусалим, они предстали перед тамошними патриархами и в тот же день оказались признаны братством мирян. И опять происходит нечто чрезвычайно странное: Балдуин II, король Иерусалимский, освобождает для этой кучки так называемого братства часть своего дворца. Ничего удивительного в том, что их стали называть храмовниками, нет, потому что дворец Балдуина находился не где-нибудь, а на месте бывшего храма Соломона! Уорвик Зиппель писал по этому поводу: «Выбор именно этого места кажется чем-то иным, нежели обычным подарком короля Балдуина рыцарям-храмовникам. Ничего подобного ранее в истории не случалось».

Зачем тамплиерам Иерусалим? Что они так настойчиво ищут там? Возможно, некие следы легендарного Грааля? Или магические рукописи восточных мудрецов? Все это вполне вероятно. Но...

Но следует понять еще одно: Иерусалим в эпоху Средневековья считался центром земного круга. Место, о котором идет речь, бывший храм Соломона, было центром этого центра. Король Иерусалимский, естественно, выбрал его своей резиденцией — но чтобы сдвинуться с места ради группы невест откуда взявшихся нищих рыцарей? И если уж это произошло — освободил король помещение, — то, несомненно, для этого должна была иметься какая-то очень веская причина. Потому что, после того как Балдуин II перебрался в ново-отстроенный дворец поблизости от башни царя Давида, ордену уже принадлежала вся территория храма.

«До тех пор пока Иерусалим оставался христианским, — пишет Моника Хауф, — это место было бесспорной резиденцией тамплиеров. Там избирали великого магистра, там он вместе со своим советом принимал решения, имевшие значение для всей страны... Люди эпохи Средневековья благоговели перед святостью этого места. В их глазах было только хорошо и правильно, что именно там располагался орден храмовников».

То есть данное обстоятельство приобретало экстремальную важность для людей, очень скоро названных «бедными рыцарями храма Соломона» или, упрощенно, «храмовниками». Даже если не сохранилось письменных упоминаний об этом, Гуго Пайенский искал то, что когда-то принадлежало Христу. Восемь лет подряд храмовники оставались в Иерусалиме. В 1125-1126 годах к ним присоединился Гуго Шампанский. Неоднократно им писал Бернар Клервосский. Парижский историк Алан Демурье говорит: «Поведение Бернара Клервосского понять можно — этого сбежавшего из мира рыцаря, — когда он расстраивался по поводу вступления графа Шампанского в 1126 году в орден тамплиеров, ведь сам-то он вступить в храмовники не мог».

Одной лишь «легендой прикрытия» было заявление первых храмовников о том, что они собираются охранять в дороге христианских пилигримов в Святую землю. Вряд ли были способны семь или девять (впоследствии, возможно, даже тридцать) рыцарей охранять бесчисленных странников от многочисленных отрядов сарацинов. Ни в уставе ордена от 1129 года, ни еще где-либо в других документах и хрониках того времени, — даже у Фалько Шартрского, исповедника Балдуина II, — не найти ни одного слова об этом. Фалько вообще ни разу не упоминает храмовников!

Мартин Бауэр пишет по этому поводу: «Даже несколько удивительно, что не существует практически никаких свидетельств о начале ордена тамплиеров... Вплоть до Собора храмовники были маленьким, элитарным братством... Только вследствие признания их церковными авторитетами братство официально превратилось в настоящий орден в полном соответствии с каноническим правом. Достоин упоминания весьма странный пробел в уставе. Нигде не найти указания на первоначальную цель ордена — защиту пилигримов... Мы могли бы ожидать, что правила храмовников начинались бы так: „Цель нашего ордена такова...“. Столь образованные люди, как Гуго де Пайенский и Бернар Клервосский, словно позабыли указать в уставе цель основания...»

Мы можем все-таки предположить, что это далеко не так, что задачи по охране и защите стояли. Но вот защите и охране кого?

1126 год как бы дает нам подсказку. Из Святой земли отбывают в Европу Андре де Монбарт и Гундемар. Цель путешествия — Клерво. Там они встречаются с Бернаром Клервосским, ожидающим их появления прямо-таки с нетерпением. Бернар заготовил три письма: одно — к королю Франции, другое — к папе римскому и третье — оставшимся в Палестине рыцарям. Когда последнее письмо пришло по назначению, двое или трое из оставшихся в Святой земле храмовников пустились в путь. В Труа созвали Собор и официально признали орден тамплиеров. Бернар набросал черновой вариант устава, Гуго де Пайен становится первым магистром (позднее называемым гроссмейстером), папа раздает благословения...

А в черновике орденского устава Бернар велит записать: «С Божьей и Спасителя нашего Иисуса помощью закончено дело, после коего возвращаются друзья Его из святого города Иерусалима...»

Орден едва-едва сформирован, а Бернар пишет «закончено дело...»! Так что же здесь произошло, что случилось в Иерусалиме в период между 1105-1106 и 1129 годами? Судя по всему тому, что мы знаем, по тому, как нам сегодня представляют ход событий, можно сделать только один-единственный вывод.

Историк Луи Карпентье его как раз и делает: «Есть только одно объяснение подобного поведения: девять рыцарей появились не для того, чтобы защищать и опекать пилигримов, а для того, чтобы найти нечто особенно важное, защитить и взять с собой, нечто особенно священное, что находилось в храме Соломона». Он ошибся только в одном. Находка была сделана в Святой земле, но не в Иерусалиме.

Масада, тамплиеры и плащаница

Все начиналось опять же с легенды.

35 год до нашей эры. Царь иудеев Ирод Великий повелел воздвигнуть крепость на горе в трех километрах западнее Мертвого моря — боясь своего собственного народа и ничуть не меньше опасаясь римлян. Крепость Масада: тридцать семь сторожевых башен выросли на большом, около девяти гектаров, плато, на котором царь приказал построить великолепный дворец, многочисленные склады для продовольствия и большие цистерны с водой. В 66 году нашей эры, то есть к началу восстания иудеев против римлян, Масада была занята мятежными зилотами. После завоевания Иерусалима римскими легионами уцелевшие мятежники бежали в горную крепость, казавшуюся им неприступной, и уже отсюда Елиазар бен Яир продолжал руководить восстанием.

И тогда в 73 году после Рождества Христова Флавий Сильва повел десятый римский легион на осаду Масады. Шли месяцы, но решающей битвы не происходило. Флавий, быстро смекнувший, что гору штурмом не возьмешь, велел построить вокруг стену и земляной вал, чтобы помешать мятежникам спастись бегством из крепости. Защитники Масады вынуждены были наблюдать за всеми действиями римлян в полнейшей беспомощности, не в состоянии предпринять каких-либо ответных действий. Вечером перед решающим штурмом римлян мятежники приняли непростое судьбоносное решение. Заметки иудейского историка Иосифа Флавия сохранили рассказ о развернувшейся трагедии очевидцев — двух женщин и пятерых детей. Они единственные смогли спастись, укрывшись в расселине скалы.

Елиазар бен Яир в ночь перед штурмом призвал осажденных: «Дайте же умереть нашим женам, пока не осквернили их тела римляне, дайте умереть нашим детям, пока не погнали их в рабство; а после того как будут убиты все они, умрем же славной смертью, сохранив свободу. Но прежде того подвергнем огню крепость нашу, ибо уверен я, что будет сие величайшим разочарованием для римлян, когда не смогут они восторжествовать над нашими телами и не получат нашего богатства...

И услышали его призывы: мужчины закололи сначала всех женщин и детей, а потом среди друг друга начали сеять смерть, заранее поджигая все, что не должно попасть в руки римлян, и следя за тем, чтобы и в самом деле все защитники были умерщвлены. А затем последний из них пронзил тело свое мечом. Когда римляне на следующее утро вошли в крепость, их взору предстала ужаснейшая картина: сожженные дома, убитые мужчины, женщины и дети. И хоть и были те врагами, римляне испытали великое почтение пред мужеством этих людей».

Масада была последней крепостью непокорных мятежников. Здесь во время раскопок, проводившихся с 1963 по 1965 год, было найдено огромное количество древних текстов (в том числе Ветхого Завета, а также совершенно неизвестных трудов, таких как, например, «Мудрость Бен Сиры» и тексты ессеев), монет, культовых вещей и т. д.

Тамплиеры и монахи-цистерцианцы тщательно изучали иудейские манускрипты сразу же по возвращении из Святой земли Гуго Шампанского. И очень сомнительно, что это были манускрипты Ветхого Завета; тот был прекрасно известен и без Крестовых походов. После изучения текстов тамплиеры занялись поисками по всей территории Святой земли. Уж не отыскали ли они в Иерусалиме в храме Соломона некие сведения о том, что находилось в Масаде, крепости царя Ирода? Не исключено, что именно тамплиерам удалось найти подлинную плащаницу Христа, укрытую в крепости Масада. Среди мятежных иудеев было много членов есеевской общины, весьма близкой ученикам Христа. Кто знает, может, именно сюда были доставлены погребальные пелены Иисуса.

Альберт Аахенский в своей хронике Первого крестового похода пишет об устроенной в развалинах Масады походной крепости ордена храма: «В центре этой церкви в скале стоит каменный алтарь... с одной стороны его ступени ведут в пещеру, которую закрывает маленькая дверца, всегда запертая. Там, по мнению многих людей, находится самая священная вещь нынешнего христианского мира».

А что это могло быть, как не погребальные пелены Христа? Так или иначе, тамплиеры были связаны с плащаницей. По крайней мере, фамильно...

Продолжение легенды о плащанице

...Жан-Пьер де Вуази пугливо вглядывался в суровое лицо кардинала Одо де Шатеруа. В чертах прелата, чье имя было известно всем во Франции, время от времени проглядывало нечто демоническое. Кардинал не был высок ростом, но во всем, что касалось царства духовного, являлся истинным великаном. Одаренный как никто другой, он был уже в тридцать лет назначен профессором теологии в университете Парижа, где опубликовал много ученых книг и диспутов по философским и догматическим вопросам.

Долгие годы Одо де Шатеруа был канцлером Парижского университета, пока в 1244 году не возвысился до звания кардинала, чтобы ровно через год стать папским легатом во всей Франции. В сей должности он не только поддержал подготовку Первого крестового похода Людовика IX, более того, кардинал лично принял участие в крестовом походе. Знаменитый ученый и проповедник собственными глазами увидел плоды своих надежд и трудов.

Столь же рьяно кардинал взялся помогать королю и в подготовке второго похода. Он странствовал по самым удаленным уголкам королевства — не было в стране ни одной провинции, в которой не возжег бы кардинал огонь воинственного воодушевления.

И вот Одо де Шатеруа раскинул руки и так замер перед прихожанами в молчании. Его черный пронзительный взгляд был обращен вдаль, и казалось, что смотрит кардинал сквозь людей, стены собора, деревья. Толпа стихла, боясь даже дышать.

— Возлюбленные братья мои, кровью Христовой спасенные дети Света, — начал свою проповедь кардинал. — Слышите ли вы звуки тревожного набата? Враг стоит у ворот; пора нам выступить на битву! Жестокий безбожник, султан Бибар, взошедший на трон благодаря подлому убийству, алкая крови, угрожает сирийским христианам. Жаждет он церкви их предать огню, изгнать всех верующих во Христа из земель их и уничтожить. Ведаю, что сирийские христиане все как есть еретики и схизматики, не желающие подчиниться власти святого престола в Риме, но все равно веры они христианской, а значит, братья нам, к которым должны мы поспешить на помощь. Ибо не им угрожает сей дьявол Бибар, а нашим государствам на побережье Востока!

Слова кардинала жемчугом сыпались с его губ, проникновенные и спокойные, в странно-гипнотизирующем ритме.

— Многие говорят ныне, что не помогло целых шесть Крестовых походов, так неужто подействует седьмой? Тем, кто думает так и говорит, отвечу я, что все предпринятое в последних походах наделено глубоким, судьбоносным значением. Завоевание Иерусалима безбожными мусульманами было и остается великим символом тревоги для всех христианских наций без исключения. Великая и героическая жертва, принесенная нашими рыцарями и солдатами за последние двести лет во имя Гроба Господня, значима для всех христиан. Не была эта жертва напрасной! А почему — будущее покажет! — Кардинал выдержал многозначительную паузу. И с серьезным лицом продолжил: — И в последнем походе, что возглавил наш Людовик, многие пали на поле брани. Горькие воды Востока принесли им смерть, и это тоже правда. Однако их имена навеки внесены в скрижали Господа...

Одо де Шатеруа замер, вглядываясь в лица слушателей, словно желал знать, какое действие

оказывают его слова на толпу, и когда прочитал в глазах людских жадное внимание, кивнул с едва заметной, чуть злорадной удовлетворенностью.

Постепенно голос кардинала становился все громче и громче. Он сравнивал мусульман с крысами пустыни, что пришли из-за покрытого песком горизонта и теперь на беду христиан распространяют чуму своего лжеучения. Он бросал в толпу описания всех преступлений неверных: — начиная с уничтожения христианства в Северной Африке в эпоху отца Церкви святого Августина и заканчивая всеми убийствами и насилием, чинимым неверными над европейскими пилигримами в Святую землю.

В конце концов кардинал принялся пересыпать свою речь апокалиптическими ужасами:

— Натиск степи повергнет христианский мир в гибель, нависнет черной тенью над всеми человеческими и историческими ценностями. Ежели долго пребудет Святая земля под пятой ислама, ежели и дальше армии крестоносцев будут терпеть поражение, орды безбожников обрушатся на наши христианские земли и государства, и власть кошмара изогнутых мечей, призрак нищеты и глада и полнейшего подавления истинной веры будут грозить нам. Наши страны, спасенные кровью Христовой, погибнут и падут.

Когда пламя слов Одо де Шатеруа возгорелось ярко и сильно и голос его начал почти срываться в пронзительном крике, Жан-Пьер де Вуази почувствовал, что у него по щекам стекают слезы.

И тут внезапно голос кардинала сорвался. А потом вновь сделался спокойным и решительным. Одо де Шатеруа широко раскинул руки. Его взгляд скользил по толпе прихожан.

— Противники крестового похода утверждают, что христианский люд утратил веру в победу над мусульманами и устал от борьбы. Я же спрашиваю вас: согласны ли вы поддержать короля в борьбе за победу, поддержать в тяжкий час и принести страшную жертву?

По рядам прихожан прошел вздох, а потом раздался крик из многих десятков, а то и сотен глоток:

— Да, готовы!

А кардинал продолжил:

— Я спрашиваю вас: готовы ли вы нанести мусульманам смертельный удар? А вы, матери и жены? Я спрашиваю вас: готовы ли вы добровольно отдать ваших мужей, сыновей и возлюбленных ради священного похода на Иерусалим? И всех вас, остающихся в отчизне, спрашиваю я: готовы ли вы молиться за рыцарей и воинов, борющихся за нашу победу?

— Готовы! — прокричала толпа. Из рядов рыцарей понеслось: «Deus volt!» - на латыни, а простой люд вторил на родном языке: «Dieu le veut!»

И тут кардинал вновь вскинул руки. Во весь голос он воскликнул:

— Как говорил Царь наш Небесный?

— Deus volt! — Dieu le veut! — Так хочет Господь!

— К оружию! К оружию!

— Да будет так! — подытожил удовлетворенно кардинал.

Одо де Шатеруа все рассчитал правильно. Одной лишь искорки было достаточно для того, чтобы идея очередного крестового похода вновь возгорелась как пламя.

Жан-Пьер де Вуази все уже решил для себя...

Немного истории хозяев символа

Наука не знает, каким образом бесценная реликвия — плащаница Иисуса — могла оказаться в Лирее в руках семейства де Шарне. Науке кажется, что «владельцы попросту нашли реликвию на чердаке или же создали ее благодаря трудам не слишком щепетильного в средствах художника, вероятность чего время от времени высказывалась в последующие века» [\[1\]](#).

Не следует забывать, что семейство де Шарне, причастное к Лирейской плащанице, — Жоффруа де Шарне, его сын Жоффруа II, внучка Маргарет и их супруги — тесно связано с орденом тамплиеров. Так, исследователь Ян Вильсон утверждал, что именно тамплиеры представляли собой промежуточное звено между исчезновением в 1204 году мандилиона из разоренного Константинополя и его предполагаемым появлением в начале 1350-х годов уже в качестве Лирейской плащаницы. Жоффруа де Шарне был связан с одним из самых высокопоставленных тамплиеров, казненных в 1314 году, — своим дядей, звавшимся также Жоффруа де Шарне.

Племянник был одним из главных сторонников создания нового рыцарского ордена. Его имя часто мелькает на страницах исторических романов А. Дюма-отца, Мориса Дрюона, А. Конан-Дойла. Еще в XIV веке о его жизни был написан рыцарский роман. Он хотел возродить «репрессированную» организацию храмовников. Совместно с собором Нотр-Дам в Лирее Жоффруа де Шарне основал новый орден, идеалы, устав и церемонии которого напоминали тамплиерские. Называлась очередная рыцарская организация орденом Звезды. Впрочем, просуществовал орден Звезды недолго: сам Жоффруа и остальные рыцари-основатели погибли в битве при Пуатье в 1356 году. Есть в этом «семейном плащаничном деле» еще одна поразительная деталь: именно дядюшка-тамплиер, тоже Жоффруа де Шарне, на допросе инквизиторов признался, что во владении ордена храма есть идол: «голова с четырьмя ногами». Исследователь истории ордена Ноэль Каррер-Бриггс считает, что это довольно наглядное описание... плащаницы, если допустить, что когда-то ее вывешивали на шесте. Тогда края свешивались, зримой была только голова, а ноги оказывались видны и спереди, и сзади (на просвет). Отсюда якобы и появились «четыре ноги». Столь же загадочной кажется еще одна вещь тамплиеров, о которой много пишется в специальной литературе, — деревянная панель (доска) с написанным на ней изображением головы мужчины. Эта панель была найдена в 1940-е годы под обшивкой потолка небольшого старинного коттеджа в Темплкомбе в Девоне. Некогда Темплкомб был владением тамплиеров. Изображение с деревянной панели отдаленно напоминает лик на плащанице. Исследователи ордена тамплиеров выдвинули предположение, что это копия, снятая тамплиерами непосредственно с плащаницы. *Наука подвергает сомнению, что плащаница Христа могла быть отдана в руки пусть и знатного, но все равно не королевского рода.*

Но вернемся к семейству де Шарне. Вот ведь что странно, оказывается, сеньоры де Шарне были также известны как Мон-Сен-Жан, по названию деревушки неподалеку от Шарне. Жоффруа де Шарне был женат на представительнице рода Верги. Последний же великий магистр ордена тамплиеров — Жак де Моле — был сыном Анри де Верги, прадеда супруги владельца Лирея. Дедом Жоффруа де Шарне был сенешаль Жан де Жуанвиль, автор «Жизнеописания Людовика Святого», восхваляющего набожность и благочестие короля Людовика IX. Именно этому самому сенешалю король Филипп IV Красивый за две недели до начала повальных арестов тамплиеров отдал секретный приказ взять под наблюдение всех

храмовников. И именно те, кто оказался в Шампани, под юрисдикцией сенешаля Жуанвиля, сумели благополучно избежать ареста.

Не менее странно и то, что за полтора столетия до появления плащаницы в Лирее предки Жоффруа де Шарне занимали ключевые посты в руководстве Четвертым крестовым походом, результатом которого стало разорение Константинополя.

Наука подвергает сомнению, что плащаница Христа могла быть отдана в руки пусть и знатного, но все равно не королевского рода.

С родом Жоффруа де Шарне связано еще одно знатное семейство из Шампани — дом де Бриен. Именно дом де Бриен в начале XIII столетия был обладателем титула короля Иерусалимского. Этот титул считался в ту пору одним из самых заманчивых наследственных титулов в истории. И кому как не «наместникам Гроба Господня» владеть священным символом — плащаницей Христа?

Наука может возразить: тогда отчего же «наследники» королей Иерусалимских все же отдали плащаницу из Лирея в чужие руки? Или почувствовали, что символ — подделка, которым владеть недостойно?

Действительно, в 1398 году реликвию унаследовала внучка Жоффруа де Шарне, Маргарет. Женщина уже дважды выходила замуж и уже дважды оставалась вдовой. Причем вдовой бездетной. Ее последний муж скончался в 1438 году, и через одиннадцать лет после его смерти Маргарет перевезла святыню из лирейской церкви в Льеж. Принято считать, что на перевозке реликвии настояла сама Маргарет, которая, несмотря на свои семьдесят лет и болезни, беспокоилась не о собственном здоровье, а о более надежном прибежище для святыни. Надежное прибежище нашлось — дом герцогов Савойских, Турин. Нет ничего удивительного в данной передаче символа. Семья Маргарет была родственна с Савойским домом. Больше всего данной передачей были возмущены клирики лирейской церкви. Они начали судебное разбирательство против Маргарет де Шарне, требуя от нее возвращения плащаницы. И в 1467 году Людовик Савойский выплатил клиру Лирея за свою родственницу требуемую компенсацию — пятьдесят франков золотом.

Герцоги Савойские были надежными хранителями реликвий христианского мира. У них уже имелись священные регалии святого Маврикия, обладателя копья Лонгина, которым был пронзен на кресте Иисус Христос. Среди этих священных регалий значились меч святого, перстень с печаткой и копье. Именно герцоги Савойские основали орден святого Маврикия, члены которого охраняли плащаницу во время ее публичных демонстраций на протяжении нескольких веков.

Среди родственников герцогов Савойских и Маргарет де Шарне был Амадей III Савойский, покровитель всевозможных искусств, воин и миротворец, прославившийся на всю Европу. В 1434 году он удалился в монастырь Сен-Морис в Капайле, чтобы через пять лет явиться миру папой римским Феликсом V, несмотря на то что Амадей Савойский никогда не приносил священных обетов. Хотя, возможно, такому роду приносить священные обеты было и не так уж обязательно, — у них хранилась величайшая святыня — плащаница Христа.

Есть еще одна тонкость: все эти семейства хранителей плащаницы были потомками королей Меровингов. Согласно многочисленным легендам (как старинным, так и современным), род Меровингов считался потомком крови Иисуса Христа. Так кому как не им хранить погребальные пелены Спасителя?

Во всем этом есть еще одна загадка. Хотя Жоффруа де Шарне жил на севере Франции, он владел обширными землями в так называемых «землях Реды», крупном центре державы Меровингов, в том числе Тулузой и Каркассоном, а также Ренн-ле-Шато. Эти места были центром пресловутой катарской веры, и именно здесь тамплиеры попытались было создать свое собственное государство. Именно против «катарских земель» римские понтифики упрямо устраивали не менее кровавые Крестовые походы. И именно про катар говорили, что они обладают неким величайшим сокровищем христианского мира.

Простые совпадения?

Продолжение легенды о плащанице

...Для юного Жана-Пьера де Вуази крестовый поход закончился невольничьим рынком Туниса. Он сидел в узилище вместе с паломниками, попавшими в руки морских разбойников, и мучительно ждал разрешения собственной участи. Дверь в узилище распахнулась, и вошел молодой араб. За его спиной стояли два бородатых стража угрожающего вида.

Араб быстро оглядел невольников-христиан. Большинство пленных, истощенные оборванцы, казались столь слабыми и измученными, что не вызывали никакого интереса. У всех гноились раны от железных оков на ногах. Некоторые лежали неподвижно, словно мертвые. Те из христиан, которые хоть немного были в силах, испуганно смотрели сейчас на молодого араба.

Внезапно его взгляд задержался на одном из пленных. Осанка, поворот головы двадцатилетнего пленника понравились арабу. Он дал знак Жану-Пьеру де Вуази подняться и подойти к нему. Тот с трудом попытался встать. Нестерпимая боль от раны пронзила плечо столь остро, что он едва не потерял сознание. Осторожно, неуверенными шагами Жан-Пьер де Вуази двинулся к незнакомцу. Словно звездочет, глядящий в небо, в ожидании смотрел Жан-Пьер на араба: сейчас его жизнь сделает новый поворот.

Незнакомец внимательно оглядывал пленника с ног до головы. Волосы у того свисали грязными прядями, лицо исхудало. Черные круги залегли под глазами, песок и соль въелись в обожженную солнцем пустыни кожу. И тут араб схватил Жана-Пьера за руку. Потянул за кольцо на пальце. Внимательно осмотрел со всех сторон. Кольцо было золотым, но не стоимость драгоценной вещицы заинтересовала сейчас незнакомца. Он потер кольцо о рукав своей одежды, очищая камень в оправе. Под кристаллом находился светло-зеленый овал с гербом.

Араб улыбнулся, к немалому удивлению Жана-Пьера заговорив на правильном французском языке:

— Значит, ты рыцарь, французский дворянин... Салам алейкум!

Жан-Пьер напряженно кивнул головой.

А незнакомец продолжил:

— Я — Ахмад ибн Измаил аз-Зайджан. Первый советник эмира Тунисского, Абу Абдалла ха Мохаммеда Аль-Мустанзира Биллаха. Как зовут тебя?

Жан-Пьер был поражен приветливым обращением. Почему? Ведь он же враг этому неверному?

— Жан-Пьер де Вуази. Я из Рэде на юге Франции, в тех землях правит мой отец, Пьер III де Вуази.

— И ты единственный из рыцарей, уцелевших в бою с пиратами? — спросил советник эмира.

— Да... — голос Жана-Пьера дрогнул. — Мой род, конечно, не королевский, но я все равно молю тебя смилостивиться над этими людьми...

Араб успокаивающе вскинул руку:

— Не беспокойся о своих братьях по несчастью. С ними обойдутся человечно и даже подлечат.

— Чтобы потом продать в рабство?

— Торговля рабами-христианами в этих землях строго запрещена, — с улыбкой возразил ибн Измаил аз-Зайджан. — Эмир считает, что сейчас, когда французские крестоносцы с вашим королем Людовиком высадились у берегов нашего государства, мудрее взять тебя и твоих спутников в заложники.

Зайджан повернулся к стражам и произнес что-то по-арабски. Сарацины поклонились и поспешили исполнить его приказания.

Значит, король Людовик с верными ему людьми достиг Туниса, подумал Жан-Пьер, все больше поражаясь откровенности, демонстрируемой советником эмира Аль-Мустанзира.

Все больше юный рыцарь уверялся в том, что открытость эта как ловушка. Жан-Пьер решил вести себя осторожнее.

Тем временем советник эмира вновь повернулся к нему:

— Жан-Пьер де Вуази, тебе не подобает оставаться здесь. Рыцаря следует привести ко двору...

Ибн Измаил аз-Зайджан доставил Жана-Пьера в небольшой домик на территории дворца эмира. В центре двора бил фонтан, в его мраморной чаше была прозрачайшая вода.

К ним навстречу уже шел старик. Темные умные глаза его оглядели пришедших из-под белого платка на голове, который удерживался синей лентой, прошитой блестящими серебряными нитями. Лицо старика было белым, как мрамор.

— Салам алейкум! — поприветствовал его советник эмира и продолжил по-французски: — Этот юноша, Жан-Пьер де Вуази, — рыцарь из Франции. Морские разбойники напали на его корабль и взяли в неволю вместе с товарищами по оружию. Эмир Аль-Мустанзир выкупил юного рыцаря и его спутников из рук пиратов, и теперь они его личные заложники. Судя по всему, Жан-Пьер ранен, и я вверяю его твоему искусству... — Повернувшись к де Вуази, советник эмира объяснил: — Кади Гамаль ад-Дин ибн Вазиль — придворный лекарь нашего эмира. Лучшего присмотра для тебя не найти. Следуй всем его указаниям! И не думай о глупостях, из дворца эмира сбежать не удастся. На всякий случай я оставлю двух этих воинов, — ибн Измаил аз-Зайджан указал на стражников, — для твоей защиты и безопасности...

Ибн Вазиль повел Жана-Пьера в помещение с высокими потолками. У окна стоял скромный письменный стол, заваленный всевозможными свитками. Справа у стены располагались полки из темного дерева, на которых также лежало множество фолиантов и пергаментов. У противоположной стены стояла массивная кровать, рядом с ней маленький столик. Чего на нем только не было: сосуды из глины и дерева, тоненькие трубочки из стекла и металла, маленькие медные пластинки и самые разные инструменты — молоточки, скальпели, ножницы и зажимы. Кроме того, на столике находилась небольшая чугунная жаровня, в которой лежали пучки трав и тоненький фитилек. Лекарь проверил травы, залил их горячей водой, затем вставил меж пучками лекарственных растений фитилек и зажег его. Станный сладковато-горький аромат пополз по покоям.

Ибн Вазиль приказал Жану-Пьеру лечь на кровать. Внимательно осмотрел раны юноши на запястьях и ногах. Затем растегнул камзол и осторожно приподнял грязную повязку на раненом плече. Но более всего не понравилась ибн Вазилью рана на груди Жана-Пьера, подобная темно-красному острову в центре беловато-желтого озера гноя.

— Разве ж не сказано в вашей Библии: «Кто с мечом придет, от меча и погибнет»? — спросил лекарь. Жан-Пьер молчал, но ибн Вазиль и не ждал ответа. Он осторожно дотронулся

до гнойной коросты: — Сама по себе рана не излечится, и края ее вновь не затянутся. Придется зашивать ее. Только надо рану очистить.

Лекарь достал два маленьких пузырька из ящичка, наполненных целебными эссенциями. Одну такую эссенцию он и вылил на рану юного барона. Жана-Пьера ожгло, как огнем. Но боль утихла, когда лекарь смазал края раны чистейшим маслом. Арабский врач протянул льняную повязку рыцарю.

— Придерживай ее на ране. — Он вымыл руки в плоской чаше. — Лежи спокойно. Скоро я вернусь и зашью твои раны. Да съешь немного фиников, вон они в чаше рядом, — и лекарь подмигнул юному крестоносцу, — они тебе понравятся. Знаешь ведь, наверное: после того как Аллах создал людей, у него осталось еще два кусочка глины. Из одного он создал верблюда, из другого — финиковую пальму. Оба стали истинными друзьями людям, а плоды пальмы есть эссенция человеческого здоровья и благополучия. — С этими словами лекарь покинул покои.

Мягкая перина, оставленная на далекой родине, была бы Жану-Пьеру де Вуази куда любезней, чем жесткое ложе лекаря. Но лежал он, несмотря на это, все равно удобно. Единственное, что печалило юношу сейчас, было то, что он как беспомощное дитя, пред врагом веры своей, полностью отданный ему в руки. Отчего мусульмане столь человечно обращаются с ним? И можно ли им доверять? Но ведь владыка Туниса уже отправлял к Людовика гонцов с известием, что охотно принял бы христианство, если не увидит в этом для себя никакого урона. И что ждет его, Жана-Пьера, оказавшегося в заложниках? Одно ясно: сопротивляться не имеет смысла. Чем поможет его королю героическая смерть глупца?

В этот момент в покои вернулся лекарь с помощником. Тот нес тонкий серебряный поднос с двумя стаканами и бутылью зеленого стекла.

— Что это? — настороженно спросил Жан-Пьер.

— Настойка из опия, — отвечал арабский лекарь. — Она необходима тебе, чтобы ты не чувствовал боли, когда я начну зашивать раны. Кроме того, в настойку входят и другие порошки — старый тайный рецепт. Он помогает от горячки, иногда даже справляется с чумой, но лучше всего действует против дурной крови. А то я опасаюсь, что твои загноившиеся раны могут отравить кровь. Пот будет лить изо всех пор твоего тела, но так и должно быть — он принесет исцеление и изгонит яд из крови.

С этими словами лекарь ибн Вазиль поднес стаканчик к губам своего пациента. Лекарство оказалось горьким.

— Три тысячи чертей, что это? — закричал Жан-Пьер. — Отдает желчью! Ты меня отравить собрался?

Лекарь спокойно заметил:

— Я не собираюсь отравить тебя. Я стал врачом, чтобы исцелять людей и охранять жизнь. Ибо жизнь — это дар Аллаха, создав шего все сущее. До тех пор пока живет человек, живет в нем и дыхание Аллаха. А потому будь благоразумен... — и лекарь капнул на губы Жан-Пьера еще одной настойки из серебряной ложечки, — прими без сопротивления... — Он говорил с юношей, как с неразумным капризным ребенком. — Средство сие избавит тебя от боли и позволит уснуть...

— Мне не нужно ничего от боли, и спать я не собираюсь... — упрямо возразил Жан-Пьер.

— Конечно, нет, — легко согласился ибн Вазиль. — Но как быть с другими обитателями этого дома, когда посреди ночи их разбудят твои стоны? — И Жан-Пьер послушно принял снадобье.

И через несколько минут все поплыло перед глазами Жана-Пьера. Словно издали доносился до него голос лекаря, что-то говорившего своему помощнику. А потом Жана-Пьера заволокло туманом.

Катарская рапсодия и спекуляции с плащаницей Христа

Давайте перенесемся в эпоху XII-XIII веков. На юге современной Франции, в Провансе и Лангедоке, появилось новое религиозное движение, захватившее большую часть страны, а также Италию, Каталонию и Германию. Катары, или альбигойцы (то есть «чистые», «совершенные»), представляли собой нечто абсолютно необычное. Основной идеей их учения было то, что Бог является Духом и абсолютной любовью, совершенной, неизменной, справедливой и вечной. Злое, дурное начало не коснется такой любви уже никогда. Логическим выводом из этого было то, что и все творения Божьи могут быть лишь совершенны, неизменны, справедливы и добры, как и источник, из которого они произошли.

Наш же мир, наоборот, казался катарам чем-то преходящим, несправедливым и несовершенным. Принцип смерти действовал всегда и повсюду. Земной мир, следовательно, являлся не божьим, а дьявольским творением. Только незримое — человеческая душа — имело божественное происхождение. И эта точка зрения была очень близка идеям ордена тамплиеров.

Тамплиеры действительно тесно пересекались с катарами. Более того, огромное множество владений храмовников находилось как раз на территории Лангедока.

А еще все мирские и церковные деяния были для катаров делом рук самого дьявола, сатаны. Кстати, Рим ежедневно давал им возможность все более увериться в справедливости подобного предположения. Папа римский, называвший себя наместником Христа на земле, сравнивался катарами — из-за безнравственного поведения, постоянных интриг и убийств — с наместником дьявола. В целом ряде стран все это привело к движению «прочь-от-Рима».

Святой престол в Риме углядел в этом вызов для себя. Папа Иннокентий III призвал к крестовому походу: христиане должны были бороться против христиан — безжалостно, кроваво и очень жестоко. В 1209 году огромная армия крестоносцев потянулась в поход на Лангедок. Из Бургундии и Лотарингии, земель Рейна, из Австрии и Венгрии, Словении и Фрисланда шли полки. Армию мародеров и разбойников возглавлял фанатичный священник, архиепископ Арнольд Кито, в развевающейся монашеской рясе. Епископы, аббаты и монахи слепо следовали за ним, а в обозах крестоносцев ехали маркитантки, всегда готовые приласкать солдат после трудов праведных.

Великолепный город Безье стал первой жертвой орды мародеров и убийц. Их фанатизм не знал границ, а убивая без конца, солдаты надеялись заслужить прощение грехов. С криком: «Убивайте всех, Бог сам отыщет невиновных!» — епископ Реджинальд Монперу приказал казнить вместе с катарскими «еретиками» самых что ни на есть «правоверных» католиков, а также всех женщин, детей и стариков. И даже своих собратьев священников, проповедовавших в городе. Безье погиб в пламени гигантского костра.

Построенный еще во времена готов, Каркассон (в Аквитании и Лангедоке его называли Каркассона) был следующей целью разъяренной орды под окровавленным крестом. Король Арагонский, тесть герцога Лангедока Рамона-Роже, хотя сам и не имел никакого отношения к катарам, вместе с войском пришел через Пиренеи, чтобы помешать творимой несправедливости. Однако и ему не удалось сдержать наступление захлестнутых фанатизмом крестоносцев.

В результате предательства Рамон-Роже попал в ловушку. Город во время продолжительной осады страдал от голода, жажды и эпидемий и, казалось, уже был готов к сдаче. Наутро, после пленения Рамона-Роже, ожидалась передача ключей от крепостных ворот. Но в городе стояла мертвая тишина. Не было видно стражей на воротах, жутью веяло от

затаившего дыхание города. Каркассон словно вымер. Глухо отдавались шаги завоевателей в узких переулках, мертвецкий покой воцарился в замке. Архиепископ Арнольд Кито и его спутники поначалу растерялись: как же такое возможно, что весь (!) народ смог за ночь бесследно исчезнуть из огромного города?

Но в конце концов всякой тайне находится объяснение. Горожане смогли спастись из осажденного города по подземным штольням и переходам. Только пять сотен стариков остались в городе, спрятавшись по подвалам. Все они были согнаны на центральную площадь перед собором. Одни клялись в том, что никогда не имели никакого отношения к еретикам. Другие были сожжены на огромном костре, а Арнольд Кито отслужил хвалебную мессу. Коротко говоря, «Te deum».

Каркассон издавна стал участником многочисленных мифов и сказаний. Очень давно ходил слух об этих местах, что вестготы короля Алариха в 410 году, после падения Рима, доставили в Каркассон часть сокровищ из храма Соломона. Среди всего прочего говорилось и о семисвечной миноре, когда-то захваченной в Иерусалиме императором Титом. Так, может быть, катары как раз и были хранителями части иерусалимских святынь, которыми так интересовались в свое время тамплиеры эпохи Гуго де Пайена?

С давних пор авантюристы всех мастей мечтали о сокровищах катаров. Поиски концентрировались при этом на тех местах в Пиренеях, в которых когда-то располагались крепости еретиков. Тридцать лет альбигойцы защищали эти стены, тридцать лет охраняли свои загадочные сокровища. В 1244 году все было кончено. Папская армия окружила гору и крепость Монсегюр. Император Фридрих II, как гласят слухи, хотел было поспешить на помощь к осажденным. Но он все равно опоздал бы. В первые ночи марта 1244 года осаждавшим удалось — вновь в результате предательства — подобраться к самой вершине. Постовые катаров были убиты. Альбигойцам было дано четырнадцатидневное перемирие. А потом они должны были или публично отречься от своих еретических заблуждений, или подвергнуться публичной казни — сожжению. Пьер-Роже Мирепуа, маршал и защитник крепости, мог, получив оплату за свои труды, беспрепятственно уехать прочь из Монсегюра.

В ночь перед сдачей крепости происходили весьма странные события. Четверо альбигойцев, закутанных в шерстяные плащи, по канатам спустились с отвесной скалы. Они прекрасно понимали, что, если враги обнаружат их, это грозит смертью всем осажденным. Легенда Монсегюра гласит, что в ту ночь они доставили в надежное убежище главное сокровище ката ров. Причем, судя по всему, убежище было так или иначе связано с орденом тамплиеров.

Дело в том, что с самых первых дней своего существования тамплиеры поддерживали тесные отношения с катарами, особенно с уроженцами Лангедока. И если слухи о том, что один из основателей ордена храма был катаром, не совсем правдоподобны, то относительно четвертого по счету великого магистра ордена, Бертрана де Бланшфора, никаких сомнений быть не может: он и в самом деле был выходцем из семьи катаров. Судя по рукописям, датированным началом войн против катаров, очень многие из альбигойцев пополнили ряды тамплиеров.

Но было еще одно странное событие в последнюю ночь Монсегюра: тамплиеры, принимавшие более чем пассивное участие в осаде крепости (великий магистр счел необходимым прояснить позицию ордена, объявив, что настоящими крестовыми походами могут считаться только походы против сарацинов), собрались на тайную сходку. У палаток храмовники поставили длинный стол, накрытый белыми скатертями. На нем стояли три серебряные семисвечные миноры. В самом конце стола лежал человеческий череп. В трепещущем свете свечей казалось, что его пустые глазницы оживают. Напротив черепа лежала раскрытая книга.

Пять рыцарей-храмовников окружали стол. Все ждали. Поднялся полог одной из палаток, и

юный тамплиер вывел оттуда одетого во все белое человека. Вернее, женщину, несшую в руках посох. Посох был сделан из золота, две змеи обвивали его — одна из слоновой кости, а вторая из эбенового дерева. Навершие посоха заканчивалось орлиными головами. Первая орлиная голова захватывала клювом змеиную голову из слоновой кости, второй орел клевал змею из эбенового дерева. Юный тамплиер подвел жрицу к изголовью стола, где посох и был торжественно возложен.

— Распятие, — раздался голос жрицы. — Распятие обернется пеленой! Пелена примет кровь... Святая Кровь всегда в пелене. Знание о последней тайне опасно.

Тамплиеры возложили руки на череп и опустили на колени. Затем магистр протянул каждому по очереди посох для поцелуя, и рыцари молча поднялись на ноги. Когда закончилось временное перемирие, катары отказались отречься от собственной веры. Крепость была взята штурмом, две сотни еретиков согнаны к подножию горы и сожжены.

Вязанки дров пропитали смолой. Несколько солдат-крестоносцев приковывали «чистых» и их последователей к столбам. Те читали молитву: «Paire Sant, Dieu dreiturier dels bons esperits». В ответ на молитву «чистых» священники в черном, по пятам следовавшие за армией «крестоносцев», запели псалом, ставший гимном всех Крестовых походов: «Veni Spirite Sancti» — «Явись, Дух Святой».

Епископ сам бросил первый факел в костер. Солдаты последовали его благостному примеру. Но огонь не разгорался. Прошло мучительно долгое время до того, как треск искр и хвороста слились в ровный гул, соломенные жгуты завились огненными змеями, заколебались, как водоросли в речной воде...

Только в 1960 году там, где сегодня у подножия горы начинается дорога к крепости, на Камп де Крема, «Поле Сожженных», «мучеников чистой христианской любви», поставили памятный камень. С уничтожением катаров, одного из серьезнейших внецерковных движений Средневековья, их вера надолго исчезла из сознания европейцев. Намного позже какие-то ее крохи подхватили последователи протестантизма. Люди следующих веков видели в крестовом походе против катаров ужаснейший пример церковного фанатизма. И до сих пор живет миф о таинственных сокровищах этих людей.

Золото, драгоценные камни? Вряд ли. Подобные ценности забрал, уходя, граф Мирепуа. Так что же хранилось в крепости с молчаливого согласия обитавших в Монсегюре людей? Еще сегодня многие хотели бы верить, что правдивы древние слухи: катарское сокровище есть не что иное, как Святой Грааль, а Монсегюр идентичен Мунсальвашу, крепости Грааля. И тот все еще хранится где-нибудь в крепости.

Но как бы завлекательно все это ни звучало, катары Граалем никогда не владели. Легенды о сокровище альбигойцев из Монсегюра возникли в более позднее время. А близость названий Монсегюр и Мунсальваш имеет отдаленное сходство, а не этимологически доказуемую идентичность. Сходство названий существует также и с другими горами. Известнейший тому пример — испанская гора Монсеррат. Монастырь в горном массиве к северо-востоку от Барселоны тогда тоже можно было бы назвать замком Грааля.

Так, может, это был не Грааль, а... истинная плащаница Христа?

Когда пишут о легендарных сокровищах тамплиеров и гадают о том, где они могут находиться, не упускают из вида вечную и весьма странную историю Ренн-ле-Шато, расположенного у подножия Пиренеев. По этой истории за последние годы во Франции, например, пролиты просто моря «чернильных слез». Во всем остальном читающем мире история маленького местечка и престранного поведения падре Беренжера Соньера стала популярной благодаря творческим усилиям Г. Линкольна. Некоторые авторские «группировки» даже открывают в горах неподалеку от Ренн-ле-Шато... гробницу Христа. Не рискну делать

столь смелые заявления. Но вот что хочу спросить: а почему мы считаем, что сокровища тамплиеров — это нечто материальное и увесистое, золото весом в несколько тонн? Почему бы не предположить, что сокровища тамплиеров и сокровища катаров были из области символов и реликвий?

Известно, что в катарские места тамплиеры доставили немецких горнорабочих, которые долго что-то копали. Местные жители тут же пустили слухи, что искали золото или же прятали оно, и только в 1647 году горнорудный инженер Цезарь д'Аркон установил, что тамплиеры строили под землей огромный бункер. Что же они хотели укрыть там от всего мира? Также известно, что многие из немецких горнорабочих заболели некой тяжелейшей болезнью во время работ. Но их спасло чудо. Какое? Помогла некая чудотворная реликвия? Какая?

Еще одна версия о плащанице. Еще один хранитель символа

Как уже говорилось, верхушка ордена тамплиеров была осведомлена о готовящейся против ордена «карательной акции» короля Филиппа IV. К сожалению, Жак де Моле, человек военный, всю жизнь прошедший в сражениях, даже и мысли не допускал, что христианский монарх поднимет руку на защитников христианской же веры.

Зато предупреждениям внял другой высокопоставленный тамплиер — Жоффруа де Шарне. Он прекрасно понимал, что король Филипп, на которого уже было наложено церковное отлучение за причастность к гибели папы Бонифация VIII (1294-1303) и отравление папы Бенедикта XI (1303-1304), ради своей выгоды не остановится ни перед чем. Именно по его поручению покинул Францию прецептор Оверни, Эмбер Блан, как пишет М. Барбер, «человек опытный и всеми уважаемый, состоявший в ордене 37 или 38 лет».

Именно он увез из Франции святыню, о сохранности которой так беспокоился тамплиер Жоффруа де Шарне. В протоколе допроса старого тамплиера, много лет хранившего святыню, сказано, что он «видел, держал в руках и гладил» ларец-реликварий. Вероятно, он и вправду, передавая ларец Эмберу Блану, не только облобызал, но и погладил святыню, зная, что никогда ее больше не увидит.

На вопросы инквизиторов, допытывавшихся о местонахождении орденского «идола», Жоффруа де Шарне ответил, что отиравил его на юг Франции, в Монпелье. На самом деле Эмбер Блан уезжал в прямо противоположном направлении в Лондон.

Святыню везли в надежные руки. Ее хранителем должна была стать Жанна Суррей, урожденная герцогиня де Бар, дочь английской принцессы Элеоноры Плантагенет и герцога Анри III де Бар. У племянницы английского короля святыня тамплиеров была бы в безопасности. К тому же легендарный предок Жанны — Эверар де Бар был третьим великим магистром тамплиеров.

Графиня Суррей знала, что «творится во Франции с конфискованным имуществом тамплиеров, как король и его присные распродают все, что можно, направо и налево, включая святыне реликвии и церковную утварь. Но если конфискованный королевскими чиновниками в парижском Тампле реликварий с фрагментами черепа 58-й из 11000 дев, замученных в 452 году в Кельне гуннами Атиллы, можно было сбыть втихую, то одна из главных реликвий Христа самым фактом своей принадлежности ордену свидетельствовала бы о его невиновности, и Филипп, не поколебавшийся отправить на тот свет двух римских первосвященников, просто уничтожил бы ее» ^[2].

Графиня Суррей дала согласие хранить святыню у себя. Она поселилась в лондонском Тауэре, в крепостном донжоне — Белом Тауэре. Поскольку Тауэр находился на особом режиме охраны, здесь святыня тамплиеров была бы в безопасности. Во время отлучек хранительницы святыня оставалась в опечатанном сундуке в ризнице часовни Святого Иоанна Евангелиста.

Тамплиеры правильно поступили, передав святыню на хранение Жанне Суррей. В 1306 году по всей стране прокатилась волна арестов тамплиеров, и Эмбер Блан тоже оказался в заключении как лицо духовного звания. По иронии судьбы инквизиционная комиссия заседала в лондонском Тауэре. Жанна Суррей имела право навещать тамплиеров — принцессе королевской крови подобные визиты не возбранялись. После таких посещений графиня Суррей несколько раз уезжала «в паломничество с визитами к французской родне». И именно в это время бывшие тамплиеры находили убежище в герцогстве Бар, где им предоставлялись церковные должности и

безопасность.

Шли годы. Умерли мученической смертью на костре Жак де Моле и десятки его соратников. К 1333 году тамплиеров оставалось всего двенадцать, а в 1351 году умер последний испанский тамплиер.

К 1348 году Жанне Суррей было под шестьдесят. Она начинала хворать, «и ясно было, что святыня, вверенная ее попечению, никогда уже не поведет крестоносцев в заморские края; христианские монархи предпочитают воевать друг с другом, а не за Гроб Господень» ^[3].

И тогда графиня Суррей обратилась к племяннику казненного Жоффруа де Шарне. Он рыцарь, прославленный своими подвигами, и он помнит тамплиерские традиции. Жоффруа де Шарне был потрясен, ошеломлен рассказом родственницы легендарного магистра тамплиеров. Он был первым, кому Жанна показала заветный серебряный ларец-реликварий и то, что в этом ларце лежало. Перед отъездом из Франции Жанна Суррей де Бар передала святыню тамплиеров на попечение графа Жоффруа де Шарне. Все это произошло в 1348 году...

Надо ли говорить, что в серебряном ларце-реликварии хранилась плащаница Христа?..

Продолжение легенды о плащанице

Через несколько дней Жан-Пьер де Вуази уже без опасений вступал в кабинет лекаря. Тот, по обыкновению, сидел у стола, рисуя на листе пергамента различные диаграммы и символы. Их он сравнивал с колонками арабских чисел, записанных на другом куске желтоватого пергамента, покрывавшего добрую половину письменного стола.

Юный рыцарь с интересом наблюдал за занятиями арабского лекаря, а под конец все же спросил, что тот делает.

— *Я составляю гороскоп моему пациенту, — объяснил ибн Вазиль. — Для врача очень важно знать, каково было состояние планет в момент рождения его пациента. Планеты рассказывают нам о телесных особенностях, характере и течении жизни человека, болезнях, что выпадают на его веку...*

— *Вы верите в силу созвездий? — спросил Жан-Пьер. — А как же это согласуется с вашей верой в бога как управителя земным кругом?*

— *Звезды этой вере совсем не мешают, — улыбнулся ибн Вазиль. — Не они причина всего. Только Аллах все предопределяет. Когда человек впервые видит свет мира, Аллах записывает в планетах божественную судьбу: метания юности, силу зрелости и огорчения старости. Наша судьба предопределяется в вечности самим богом.*

Взяв перо, лекарь указал на звезды, нарисованные на пергаменте:

— *Вот это — Марс, Венера, а вот здесь Юпитер в созвездии Льва... Да, все это предопределено Аллахом, это судьба, фатум или, как говорим мы, кismet. Счастье и несчастье подобны частичкам божьего творения. Воля Аллаха проявляется во всем, мы же являемся его пассивным орудием. Но тот, кто знает звезды, ведает чуть больше и может заранее понять, к чему подталкивает нас Аллах. Но... — лекарь многозначительно приподнял руку, — даже мудрецы не в силах изменить свою судьбу.*

— *Значит, вы верите, что судьба человека полностью предопределена... И все его деяния, поступки? И свободы выбирать человеку не дано?*

Лекарь кивнул головой:

— *Так оно и есть! Наша жизнь напоминает большую шахматную игру. Играет в шахматы Аллах, только он один видит всю шахматную доску сразу. А мы двигаемся по полю, но двигает нами воля великого игрока. Да, каждый из нас думает, что свободен в своих действиях, а на самом деле все ходы просчитывает Аллах. Есть высший порядок, которому все мы подчинены. На каждом повороте жизненного пути мы получаем почти незримые знаки, подсказки, в каком*

направлении двигаться, и живем по великому плану Аллаха.

— Но свобода человеческой воли... — не успел Жан-Пьер до конца сформулировать свои возражения, как арабский лекарь прервал его:

— Свободна человеческая воля или нет? Это старый философский вопрос... Никто не знает, как формируются мысли, какое влияние оказывают они на дух и волю. Все это сложные вопросы, над которыми ломали голову великие мудрецы... Но на вопрос, свободна наша воля или нет, уже ответила Ильм ал-Калам, исламская теология. И ответила отрицательно: наша жизнь предписана, как и орбита планет. «Инша' Аллах» — «так угодно богу», — говорят арабы...

Французский аристократ недоверчиво смотрел на пергамент с цифрами.

— Знаешь, что это за число? — спросил его лекарь. Жан-Пьер отрицательно покачал головой.

— Это число «пи», — объяснил араб.

— А при чем здесь звезды? — пожелал знать растерянный Жан-Пьер.

— Аллах, да святится имя его, управляет всем сущим с помощью сил, действующих по математическим законам. Эти законы отражаются на всех плоскостях бытия, в планетах и их орбитах, в мельчайших элементах, невидимых даже глазу. Число «пи» и другие вечные числовые идеи дышат не только во многих формах мертвых материй, они заставляют не только кружить по небу планеты, лить дождь на землю, они обладают также силами роста в природе. Понимаешь?

Жан-Пьер, все еще сомневаясь, тем не менее кивнул головой.

— То есть «пи» существует во всех формах бытия, содержащихся в мире... — подытожил ибн Вазиль. — И во всех формулах! Оно содержится в энергиях Луны, в солнечном свете, в огне и алмазах. Пульсация звезд соответствует пульсации человеческого сердца.

Де Ваузи был поражен.

— А как же все удары судьбы? Они тоже по математическим законам?

— А удары судьбы, — немного раздраженно пояснил лекарь, — нужны лишь для того, чтобы приблизиться к богу чуть ближе. Только прошедший испытания есть любимец Аллаха. Мы, мусульмане, верим, что следует принимать все, что посылает нам бытие, причем принимать без радости и лишних сожалений. Мудрец примет свой путь с радостью и счастьем, а глупец — как беду. Человек, рожденный под хорошей звездой, должен иметь доброе сердце и совершать добрые деяния. Человек, рожденный под плохой звездой, должен иметь черную душу и творить зло. Даже в этом человек несвободен — несвободен в своем выборе между добром и злом, несвободен в своем выборе между небом и адом...

— Но это же ужасно! — воскликнул Жан-Пьер де Ваузи. — Несправедливо со стороны бога!

— Несправедливо, несправедливо... — эхом отозвался ибн Вазиль. — А почему люди винят Аллаха во всех своих бедах и несчастьях, говорят о несправедливости, упрекая Всевышнего за то, что он не вмешался? Не подал знак, не предупредил. Никак не хотят понять, что Аллах ради нас же самих скрыл от нас истину о будущем, оставив только радость, и боль воспоминаний, и доброе волшебство надежды... — промолвил ибн Вазиль. И поднялся со своего места, с видимым раздражением прервав разговор.

Когда Церковь не верит в христианскую реликвию: епископы и святые против

Наука вполне справедливо отмечает, что признание подлинности Туринской (когда-то Лирейской) плащаницы усложняется еще и тем, что в подлинности ей отказывали еще в эпоху Средневековья. Наука указывает на то, что даже в те времена происходило нечто таинственное, «закулисное», что стояло за этой уникальной реликвией. «Невозможно избавиться от чувства, что здесь чего-то недостает, что в этом деле замешано гораздо больше фигурантов, чем это видно на первый взгляд», — пишет Ян Вильсон.

10 апреля 1348 года после завершения эпидемии чумы и в условиях ведения Францией войны с Англией (растянувшейся на сто лет) граф Жоффруа де Шарне обратился с просьбой к папе Клементу VI (1342-1352): «...в ознаменование удачного побега графа из английского плена, избавления французов от только что закончившейся эпидемии чумы» разрешить размещение в храме в Лирее имеющейся в собственности дома де Шарне плащаницы Иисуса Христа.

Причем де Шарне прямо указал, что он владеет именно той плащаницей, которая некогда находилась в Константинополе в Фаросской часовне византийских императоров. Вот только, к неудовольствию церковных властей, Жоффруа де Шарне так и не объяснил, как к нему попала плащаница «из Константинополя». Он лишь инспирировал следующие слухи: дескать, приобрел граф плащаницу по случаю у... рыцаря-крестоносца, а до «обретения» плащаницу за деньги демонстрировал крестоносец-аноним. Как справедливо заметил Е. К. Дулуман, «такого не могло быть. Невероятно, чтобы свирепствующая средневековая католическая инквизиция десятилетиями мирилась с тем, что вот такую-у-ую святыню позволяет себе держать в руках какой-то мирянин».

Документального ответа папы Клемента VI не сохранилось. Но судя по дальнейшим событиям, устно или письменно папа римский удовлетворил просьбу Жоффруа де Шарне. И в Лирей хлынули паломники, а вместе с ними и немалые деньги. Все это до крайности не понравилось епископу города Труа Генри де Пуатье. Лирейская церковь находилась в его юрисдикции, но доходами не делилась. А потому его преосвященство провел собственное расследование плащаницы. В 1355 году епископ Генри де Пуатье обратился с «Окружным епископским посланием» к верующим своей епархии, в котором объявил Лирейскую плащаницу (будущую Туринскую) фальшивкой и приказал убрать ее из храма.

Что произошло? Правильно, ничего. Священнослужители лирейской церкви знают, что их епископ за все эти годы лично даже не видел плащаницу. Как он может судить о подлинности святыни? А поэтому подчиняются они приказу своего епископа только наполовину: реликвию и в самом деле убирают с глаз верующих долой в... серебряную раку и продолжают выставлять ее на поклонение прихожанам перед Пасхой в Страстную пятницу. И епископ Труа отступил.

Но вслед ему пришел еще один «епископ неверующий». В ноябре 1389 года разразился очередной скандал по плащанице Христовой. «Наследник» Генри де Пуатье, взошедший на кафедру своего умершего предшественника, Пьер д'Арси, написал письмо в Авиньон так называемому «антипапе» Клементу VII (в миру графу Роберту Женевскому). В своем послании д'Арси давал описание плащаницы — дескать, изображение выполнено художником, «искусным мастером» своего дела. Что же побудило епископа быть столь категоричным в своих оценках? Церковная пышность!

Освещаемая факелами, реликвия выставлялась на специально воздвигнутом постаменте.

Жоффруа II де Шарне брал реликвию в руки и высоко поднимал ее над головой.

Д'Арси перед папой обличил в резких выражениях лирейского настоятеля церкви в преднамеренном обмане, в том, что тот «одержим страстью корыстолюбия» и даже подкупает пилигримов, чтобы те изображали чудесные исцеления, якобы происходящие с ними.

«...ложно и обманчиво — используемая со страстью жадности, а не благочестия; только с целью увеличения дохода своего храма, — ловко окрашенная ткань, на которой умной ловкостью рук было нарисовано двойное изображение одного человека... они тайно изготовили и лживо объявили, что это будто бы саван, в который наш Спаситель Иисус Христос был окутан в могиле» (перевод Е. К. Дулумана).

Корыстолюбие во всем этом деле действительно было — корыстолюбие самого д'Арси. Дело в том, что де Шарне всегда действовали через его голову, обращаясь напрямую к папскому нунцию во Франции. Д'Арси грозил настоятелю лирейской церкви отлучением, тот пожаловался графу Жоффруа де Шарне, а граф в свою очередь обратился к королю Франции Генриху. И король посоветовал епископу прекратить страсти по плащанице.

Но д'Арси отступить не собирался. Он предложил рассудить конфликт понтифику. Вроде бы епископ смиренно отступил в тень? Нет. Во Франции сменился король — к власти пришел Карл VI. Д'Арси сам принялся за дело: начал интриговать в верхах светской власти, предлагая им изъять у де Шарне плащаницу Христа в пользу королевского двора. И Карл поддался искушению епископа и прислал бейлифов с заданием конфисковать плащаницу. Лирейцы, от мала до велика сплотившиеся вокруг графа де Шарне, в 1389 году трижды отбивали насильственные покушения судебных приставов.

Де Шарне не боялся ни епископа, ни короля Франции. Дело в том, что папу Клемент VII с родом де Шарне связывали родственные узы: отчим Жоффруа II де Шарне был родным дядей Клемента, бывшего графа Женевского. В январе 1390 года епископ д'Арси получил от верховного понтифика длинное послание. В этом послании Климент VII советовал д'Арси «хранить молчание и не вмешиваться». Иначе отлучение от Церкви будет неизбежно.

Впрочем, у этого «антипапы» все же были двойные стандарты. В тот же самый день, то есть 6 января 1390 года, Климент VII написал еще одно письмо, но уже графу де Шарне. В этом послании он дал разрешение на выставление в храме плащаницы, но только с условием, что верующим в данном случае самым строгим и внушительным образом объяснят, что сие вовсе не погребальные одежды Иисуса Христа, а лишь «подобие или изображение» оных. Таким образом, официальная Церковь как бы верила и не верила одновременно.

А затем наступила самая эффектная эпоха в истории Католической церкви. К власти Духа пришло семейство делла Ровере, известное по такому верховному понтифику, как Сикст IV. Человек это был, мягко скажем, совсем не святой: современники считали его средоточием и воплощением всей человеческой злобы. Именно он ввел инквизицию в Испании, он протолкнул на пост Великого инквизитора Торквемаду, именно он выдавал лицензии на содержание борделей в Риме. И именно он покровительствовал искусствам, был инициатором строительства Сикстинской капеллы, написал целый ряд прелюбопытных книг и оказался отчаянным поборником подлинности плащаницы Христа, к тому времени находившейся в Турине.

До 1464 года в церковных кругах господствовала лишь одна, очень официальная точка зрения, что плащаница и не плащаница вовсе, а «изображение». И вот в 1464 году мо нафранцисканец Франческо делла Ровере, будущий папа Сикст IV, написал книгу «О Крови Христовой» (опубликована она была только в 1471 году, когда делла Ровере стал папой римским).

Сикст IV всей душой выступил в поддержку плащаницы и первым объявил, что она

подлинная. Церковь Шамбери, где герцоги Савойские хранили реликвию, он провозгласил последним прибежищем материи, в которую было завернуто тело Христа. «Это было особенно важно для богословских воззрений папы, поскольку он придавал огромное значение искупительной силе истинной Крови Христовой. Почему бы плащанице, на которой запечатлелись следы крови Искупителя, не обладать подобной же силой?» — написали в своей книге «Туринская плащаница» Л. Пикнетт и К. Принс.

Семейство делла Ровере еще не раз занимало папский престол, и почти каждый из понтификов — представителей этого семейства — старался упрочить статус плащаницы. Так, 25 марта 1506 года в булле «Понтифекс Рима» папа Юлий II (Джулиано делла Ровере) установил юридический статус «священной плащаницы» — *sancta sindone*. В своей булле Юлий II сказал о находящейся во владении Савойского дома плащанице, что она является «самой достовернейшей, чистейшей плащаницей (*proeclarissima sindone*), в которую был облачен наш Спаситель, когда его полагали во гроб». Повторяя своего дядюшку, Сикста IV, папа Юлий II заявил, что на Туринской плащанице «каждый может увидеть истинную кровь и портрет самого Иисуса Христа». Он же установил день официального праздника в честь плащаницы — 4 мая.

La dolorosa Passione

Она не усомнилась в подлинности плащаницы из Турина. Нет, она верила, но увидела больше. Среди мистиков, которых Церковь хоть и с большой неохотой, но все же приняла, можно назвать Анну-Катарину Эммерих. Простая крестьянка, она родилась в Вестфалии в 1774 году. От нее категорически отказывались все женские монашеские ордены. Бедной женщине пришлось пройти через неисчислимы унижения. И наконец в 1813 году ее все же зачислили в орден августинок. Все время до своей смерти в 1842 году Анна-Катарина Эммерих провела в монастыре августинок, не вставая с постели.

Эммерих получила стигматы и была одной из первых, кому приходили невероятные, захватывающие видения. Видения эти вызвали сомнения, непонимание и даже пугали Церковь. Зато простой народ никогда не оставлял Анну-Катарину и почитал ее как святую. Вот только в этом статусе ей постоянно отказывали. Беатификационный процесс Церковь начала только в 1981 году. После него Анну-Катарину Эммерих официально назвали... «рабой Божьей».

Писатель Клеменс Брентано посещал провидицу в больнице на протяжении нескольких долгих месяцев, и она, прикованная уже к постели, надиктовала ему для потомков настоящую историю Христа, увиденную ею. Книга Анны-Катарины Эммерих «La dolorosa Passione di N.S. Gesu Cristo» переиздавалась несколько раз. В 1946 году ее издали в Бергамо с согласия епископа Бернарегги, а до него — генерального викария епархии Ратисбона, в Баварии. Книга эта воистину удивительна.

Есть в ней и поразительный, волнующий рассказ о том, что видела Эммерих 170 лет тому назад, прикованная к постели. Она видела плащаницу Христа. Согласно данному видению, плащаница, почитаемая в Турине, не является подлинником, но «следом», то есть копией, полученной чудесным образом в более древние, нежели средневековые, времена. Согласно этому видению, когда-то к старинному льняному полотну приложили более новое. Анна-Катарина Эммерих говорила: «Я видела подлинник, немного изношенный и разорванный, почитаемый в каком-то месте в Азии не католическими христианами. Я забыла название города, расположенного вблизи страны трех волхвов».

В видениях Анны-Катарины Эммерих сомневаются. Но... те видения неоднократно подтверждались впоследствии открытиями, сделанными в наши дни так называемой «библейской археологией».

Эммерих рассказывала, что «видела многие вещи, связанные с более поздней историей тех пелен». «Их почитали в разных местах», «один раз из-за них поругались, и чтобы прекратить спор, подожгли полотно».

Обман больного воображения больной женщины? Но как тогда быть с тем фактом, что никогда не покидавшая своих родных краев необразованная монахиня-августинка сумела точно описать даже цвет изображения на пеленах («темно-красный»), а также рассказать, что на плащанице были изображены «все Его раны», что официально было подтверждено только спустя семьдесят лет после видений Анны-Катарины Эммерих, уже после того, как были сделаны первые снимки.

И вот еще одно неожиданное видение: «Благодаря молитве одного святого человека получено два оттиска, как верхней, так и нижней части, путем простого наложения одного куска полотна на другой. Так получены копии изображения, которые Церковь признала с радостью. Освященные этим контактом с истинной плащаницей, они сотворили многие чудеса».

Витторио Мессори в статье «Черные страницы истории Церкви» скажет: «К

„свидетельствам“ возможно будущей святой нужен какой-то осторожный религиозный подход. Но нельзя их отбросить априори, так как не стоит забывать, что в подобных случаях мистик „знает“ больше, чем ученый».

Продолжение легенды о плащанице

Вел подобные разговоры юный барон Жан-Пьер де Вуази и с детьми эмира, принцем Халидом и принцессой Салимах.

— Знай, христианин, что я превыше всего ценю и восхищаюсь матерью Исы, — честно признавалась молоденькая Салимах. — Мать Исы в исламе играет особую роль, — пояснила она, — она считается у нас одной из лучших и благороднейших женщин, живших когда-то на земле, как Хадижа, жена Мухаммеда, и Фатима, его дочь. Дева Мария — образец для всех мусульманок. По-арабски ее называют Мариам, и это единственное женское имя, что попало в Коран. Все остальные там зовутся лишь «дочь того-то и того-то» или «жена такого-то и такого-то». А имя Мариам упоминается в Коране тридцать четыре раза, даже чаще, чем имя самого Исы... Девятнадцатая сура носит ее имя, а третья сура подробно рассказывает о ней.

Халид подал сестре красивую, переплетенную в кожу книгу.

— Это Коран. Вот что рассказывается в третьей суре о рождении Мариам: ее отец звался Имран. Вместе с женой успел он состариться, но пара всю жизнь оставалась бездетной. В один из дней жена печально глянула на кормившего птиц Имрана. Затосковала она о дите и попросила Аллаха послать им с мужем потомство; причем умная женщина пообещала, что дитя будет служить Богу. Молилась жена Имрана так: «Господь наш, видишь, я славлю тебя... Ты — Всеслышащий, Всезнающий». И когда жена Имрана родила на свет дочь, она дала ей имя Мариам и доверила Аллаху оберегать девочку.

Позднее Мариам доставили в храм в Иерусалим, чтобы могла она там служить Господу. Захария, женатый на сестре матери Мариам, взялся приглядывать за девочкой. Ей дали жилище при храме, где она день и ночь славилла Бога. В этой комнатке с ней заговорил ангел. В третьей суре сказано: «О, Мариам, Аллах избрал тебя и сделал чистой, избрал он тебя пред другими жителями мира. О, Мариам, склонись смиренно пред тем, что ожидает тебя». И когда однажды Мариам вернулась после молитвы к себе, Аллах послал к ней ангела в образе совершенного человека.

Дева испугалась и сказала ангелу: «Я найду от тебя защиту у Всемилосердного, отступи от меня, если боишься Господа». Но ангел заговорил с нею: «Я и есть посланник твоего Господа». И сообщил Мариам о рождении «чистого сына». Мариам спросила тут же: «Как же будет дарован мне сын, если меня не касался муж и я пребываю девой?» И получила ответ от посланника небесного: «Да будет так!» И Мариам поверила. Перед родами молодая женщина уехала в отдаленное место. Когда Мариам родила сына Ису, была она, согласно Корану, одна в предродовой боли и отчаянии.

— С трудом прижалась она к стволу финиковой пальмы... — Лицо Салимах сочувственно сморщилось. — Боли Мариам были столь ужасны, что сказала она: «О, Аллах, лучше бы я сразу умерла, и меня позабыли!» — Салимах смолкла на мгновение, а потом взволнованно продолжила: — Коран рассказывает также, что, когда Мариам с младенцем на руках вернулась к своей семье, ее заподозрили в нечестности. Бедняжку обвиняли и оскорбляли. В девятнадцатой суре Корана даже переданы слова, с которыми к ней обращались недоверчивые родные: «Мариам! Ты совершила нечто неслыханное. Твой отец не был дурным человеком, и мать твоя была честной женщиной!» Но тут Мариам пришел на помощь сам Господь, он надоумил ее. Она показала на ребенка в яслях и сказала: «Его спросите!» Родня ответствовала ей: «Что нам говорить с ним, когда он еще младенец в люльке!» И тут младенец Иса начал говорить: «Я — слуга Аллаха! Он дал мне книгу и сделал своим пророком. И

он же благословил меня!»

— *Так в Коране говорится, что младенец Иисус мог говорить? — изумился Жан-Пьер. — В нашей христианской Библии ничего не рассказывается об удивительных речах Иисуса в люльке или что младенец Иисус отличался от детей своего возраста. Но как может утверждать такое Коран, если он отрицает божественную природу, божественное происхождение и значение Христа?*

— *Ну, разумеется, Иса был способен творить чудеса не только взрослым, но и маленьким ребенком, — воскликнули дети эмира. — Неужто ты не знаешь истории, о которой говорится в Коране, когда маленький Иса своими маленькими пальчиками сделал из глины птичку, а потом хлопнул в ладоши, и птичка ожила и начала петь и летать?*

— *Нет, — растерялся Жан-Пьер, — о таких чудесах наша Библия ничего не сообщает...*

— *И каково же Мариам было смотреть потом, как заворачивают ее сына Ису в погребальные пелены... — пригорюнилась Салимах.*

Глава третья. Плащаница — символ перевоплощений

В своей работе Дж. Новелли писал: «Необычайная и провокационная выставка, касающаяся также плащаницы, развернулась с 9 марта по 2 сентября 1990 года в Британском музее под названием „Подделки? Искусство обмана“».

Наука вполне справедливо отмечает, что первые столетия после Рождества Христова не оставили для нас никаких изобразительных свидетельств о внешности Иисуса Христа. Ученые ссылаются на то, что Библия категорически запрещает делать «изображения всего того, что есть на небе вверху, что на земле внизу и что в воде ниже земли» (Исход, 20:4; Левит, 26:1). Это требование, по мнению науки, строго соблюдалось членами первоначального христианства, которое состояло из ревностных приверженцев Библии, иудеев.

В Средние века многие никак не желали поверить в то, что ничего не было известно о внешности Иисуса Христа. Было, было известно. В книге М. Хитрова «Подлинный лик Спасителя» приводится письмо императору Тиберию от некоего проконсула Палестины Публия Лентулы. В этом письме описывается внешний вид Иисуса Христа: «Этот человек многосторонне одарен. Имя его — Иисус. У него прекрасное и благородное лицо, гармоническое строение тела. Его волосы — цвета вина, прямые, но ниже ушей в завитках, и блестящие. Лоб — прямой и чистый. От лица его исходит сила и спокойствие... Линии носа и

рта — безупречны. У него густая борода и такого же цвета, как и волос наголове. У него голубые и лучезарные глаза» [4].

Наука справедливо отметит, что ей очень хорошо известна чиновничья иерархия эпохи Тиберия в Палестине. И в этой иерархии никак не обнаруживается такой чиновник, как проконсул Палестины Публий Лентула. Еще в XV столетии Лоренцо Валла установил, что так называемое «Письмо Лентула» — апокриф не древнее XII столетия. С этим вердиктом науки невозможно не согласиться, но в XII веке в Турине еще не было плащаницы, и некто, прикрывающийся именем Публия Лентула, не мог увидеть ее и «придумать» внешность Христа. То же описание, что дано в послании, очень напоминает «милицейский фоторобот», совпадающий с... изображением человека на плащанице. Так что, скорее всего, апокрифы все же опираются на не дошедшие до нас древние изображения.

Так были ли такие изображения Христа?

По свидетельству Лампридия, у императора Александра Севера (222-235) в божнице рядом со статуями мудрецов древности стояла статуя... Иисуса Христа. А в IV веке историк Евсевий видел в Кесарии Филипповой памятник, который поставила женщина, исцеленная Христом (Матфей, 9:20). «Это была бронзовая скульптурная группа, состоявшая из двух фигур: самой женщины и красиво облеченного в двойную мантию человека, простирающего к ней руку», — пишет в восьмом томе своей «Церковной истории» Евсевий [5].

В катакомбах святого Калликста существовала удивительная фреска. В XVII веке ее скопировал первый исследователь христианских древностей Антонио Бозио. На потолке катакомб в медальоне можно было увидеть лицо человека с длинными волосами и бородой. Фреска датировалась II веком нашей эры.

Наука как бы раздваивается в своих суждениях. Иногда она берется утверждать, что иконописный Иисус — человек не от мира сего. А потом заявляет, что образ Иисуса Христа начали писать с прекраснейшего лицом и распутнейшего в истории католической церкви кардинала Цезаря Борджиа, сына папы Александра VI (1492-1503). Такой Христос — подделка, как и плащаница, говорит наука.

Но как быть с тем, что на плащанице Христа удалось обнаружить некоторые специфические детали, доказывающие, что изображение на ней повлияло на художников и иконописцев до появления плащаницы в Лирее? Француз Поль Виньон заявлял в 1902 году, что некоторые черты человека с плащаницы совпадают с образами Иисуса, датируемыми византийским периодом. Эти черты получили в науке название «знаки Виньона».

«Самая известная из этих отметин — обращенный вниз V-образный след между бровями, который, по мнению Виньона, в точности совпадает с традиционным образом, сложившимся в ранней иконографии Иисуса, благодаря которому Он выглядит нахмурившимся, сдвинувшим брови. Виньон утверждает, что он идентифицировал двадцать отдельных знаков, которые можно отождествить с особыми чертами на раннехристианских живописных изображениях», — отмечают в книге «Туринская плащаница» Л. Пикнетт и К. Принс.

Как быть с хранящейся в Национальной библиотеке Мадрида миниатюрой, на которой изображен момент передачи плащаницы византийскому императору Роману I Лакапину? На этой миниатюре плащаница представлена в виде длинного полотна, на котором художник специально выделил лик Христа. К этому-то лику как раз и прикладывается император. Джованни Новелли пишет: «Противореча легенде об Акбаре, эдесском царе, в которой „Мандил“ имеет размеры маленькой салфетки, изображение из манускрипта представляет его во всю длину, придавая ему вид плащаницы» [6]. На самом деле никакого противоречия здесь все-таки нет. Просто четырехметровую плащаницу Христа хранили в свернутом виде так, чтобы

снаружи на поверхности был виден только лик Христа.

Возьмем также для примера иллюстрацию из Молитвенника, созданного в 1190-е годы в бенедиктинском монастыре в Венгрии. На ней изображено, как тело Иисуса готовят к погребению. Тело находится в той же позе, какую запечатлело изображение с плащаницы. Главная деталь — скрещенные руки. Ангел держит в руках плащаницу, в которую предстоит завернуть тело Христа.

Старший научный сотрудник отдела древнерусской живописи Русского музея И. А. Шалина в одном из своих докладов в 1994 году обратила внимание на икону «Христос во гробе». Икона получила греческое название «Акра Tapeinosis» и славянское «Уныние», или «Смирение Нашего Господа». Икона XIV столетия, о ней упоминается в письме патриарха Афанасия I в 1305 году, то есть до появления плащаницы в Лирее.

Впервые же «Христа во гробе» изобразили на миниатюрах греческого Евангелия из Карахиссар в конце XII века. Есть аналогичное изображение «Акра Tapeinosis» и в диптихе из греческого монастыря Метеоры. Оно написано около 1381 года и принадлежало основателю монастыря Иоасафу Урошу Палеологу. На обо роте диптиха сохранилась надпись о назначении образа: в церемонии страстных дней икону возлагали прямо на эпитафию-плащаницу, которая устанавливалась в центре храма.

Но еще более потрясающей является другая икона. Она происходит из сербской Православной церкви в Белграде. Надпись на церковно-славянском языке упоминает сербского короля Уроша II Милутина (1282-1321), икона была вкладом его вдовы в Милютинский мавзолей-храм в Баньский монастырь. На иконе обнаженный Христос, словно реально положенный на плащаницу, изображен со скрещенными на животе руками и кровавыми ранами распятого.

Откуда взялась эта плащаница на иконе? Ведь очевидно, что прототипом ее была вертикально подвешиваемая завеса.

Возможно, это объясняет и тот способ, которым когда-то закрепляли в Фаросской часовне Константинополя мандилион-плащаницу. Верхнюю лицевую часть плащаницы поднимали до уровня скрещенных рук Спасителя со следами крови от гвоздей Распятия. Дж. Джексон изучал Туринскую плащаницу и подтверждает наличие специфических поперечных складок в центре лицевой и оборотной сторон пелены, свидетельствующих о подобном сгибе ткани в течение длительного времени. Им же установлен факт прикрепления сложенной пополам плащаницы к поднимавшему ее в этом месте брусу, на котором она была закреплена.

Пятница, избранная для демонстрации реликвии, когда отпечаток мертвого тела был доступен для созерцания, прямо соответствовала дню еженедельной памяти Креста и Распятия. Д. Паллас пишет, что не исключено и то, что «устройство, на котором плащаница с образом мертвого Христа поднималась из ларца-реликвария, было оформлено в виде креста, сделанного в меру и наподобие Голгофского. Такой крест с частицей Истинного Древа, соединенный с реликвией копия, в 532 году Феодор Петрский в энкомии на св. Феодосия упоминает в алтаре Иерусалимской базилики на Голгофе» [\[7\]](#). Об этом сохранились также свидетельства в латинской рукописи XII века: «Мера длины Тела Христова, которая была снята верными мужами в Иерусалиме. Император Юстиниан сделал согласно длине тела крест» [\[8\]](#).

Специалисты по иконографии могут сделать вывод, что иконография ликов Христа «не плод интеллектуального и литургического творчества, но образ исторический, с самого начала своего существования обязанный нерукотворной реликвии Христа, точно передавшей черты лежащего в гробу Господа» (Шалина И. А. Икона «„Христос во гробе" и нерукотворный образ на Константинопольской плащанице». Из материалов конференции «Научные и богословские аспекты исследования Туринской плащаницы и чудесных знамений, происходящих в

Православной церкви»).

На Руси иконы «Христа во гробе» и «Спас» ассоциировались именно с плащаницей Иисуса, символом-реликвией. Об этом свидетельствует и Максим Грек, называвший такие иконы «нерукотворным образом Спасова схождения». Об этом говорит и то, что хоругви со «Спасом Нерукотворным» украшали русское воинство уже на Куликовской битве.

Московский историк М. Чегодаева сравнила лик, изображенный на Туринской плащанице, с одним из первых изображений Христа Пантократора (Вседержителя), иконой, которая хранится в монастыре Св. Екатерины на Синае и датируется V веком. Когда Чегодаева, пользуясь методами криминалистики, наложила один «портрет» на другой... изображения полностью совпали.

Продолжение легенды о плащанице

Король Людовик IX в спешном порядке укреплял для защиты от неверных крепость Марса. Кроме этих мер безопасности, он приказал своим людям молиться, чтобы поскорее появились на горизонте сицилианские корабли. Однако проходил июль, а сицилианского флота так и не было видно. Зато появился другой, неожиданный и нежеланный гость: в лагере началась эпидемия. Несколько дней подряд крестоносцы страдали от немилосердной жары. И вот однажды рухнул стоявший в карауле воин, да так и остался лежать на земле без сознания. Когда товарищи бросились к нему, они не догадались, жертвой какой болезни он пал, но первые злые подозрения уже зародились. Словно волк, чья жажда крови пробудилась после первой жертвы, эпидемия начала соби рать свою страшную жатву — вот еще один крестоносец, еще один... В палатках гибли люди. Сначала это были отощавшие служки, затем молодые воины, и наконец эпидемия добралась до знатных рыцарей. Их сотрясали мучительная тошнота и рвота, затем начиналась горячка, а незадолго до смерти мучали слабость и паралич. Король тут же приказал срочно хоронить тела умерших и удвоил количество богослужений в лагере крестоносцев.

Никто не знал, как переносится болезнь, а если и догадывались, что причиной ее возникновения стала вода, то предположения эти мало помогали, ибо смерть от жажды была не менее ужасна, чем смерть от мора. Регулярные объезды деревянных телег, на которые сбрасывали тела умерших, стали жуткой, но неизбежной данностью, ужасным, но уже привычным видом, и никакие старания походных лекарей не могли сдержать алчную смерть. За крепостью была вырыта огромная ямина, в которую сбрасывали жертв эпидемии. Сверху тела посыпали известью и смешанной с песком землей. В августе жара сделалась еще сильнее, а вместе с ней выросло и количество умерших. Эпидемия ослабила королевскую армию, и не только потерей воинов — нет, упали дух и вера. Крестоносцы молили Бога о благословении. И вместо этого он послал черный мор. Многие в армии с горечью признавали, что Всемогущий явно не на их стороне. Хотя никто не верил в то, что Бог был на стороне неверных, немалое количество рыцарей заподозрило, что кресто вый поход с самого его начала был для Господа делом неугодным. Другие же считали, что Бог напрямую указывает им уйти из земель Туниса и направиться напрямиком в Святую землю...

Только к середине августа эмир узнал о катастрофе в лагере крестоносцев. Тут же принц Халид бросился к Жану-Пьеру.

— Великое несчастье пришло в лагерь твоих соплеменников! — оповестил юного барона де Вуази принц Туниса. — Страшная болезнь явилась в их лагерь, и смерть отняла множество жизней.

— Как? — в ужасе воскликнул Жан-Пьер. — И откуда появилась эта болезнь?
Халид утешающе похлопал друга по плечу: в глазах юного де Вуази стояли слезы.

— Насколько нам известно, сия болезнь переносится с водой. А еще жара, пыль и ветер, теснота в палатках крестоносцев в крепости Марса. Добавь ко всему этому злу еще и голод!

Спустя какое-то время принц добавил шепотом:

— Да, теперь ваши люди и сами видят, что Аллах вознес свой меч над лагерем крестоносцев — да и ваш святой пророк Иса тоже крайне не одобряет дело Крестовых походов...

Одним из первых, кого поразила болезнь, был сам король. Третьего августа — монарх в это время лежал на своем ложе с высокой температурой — умер средний сын Людовика Иоанн Тристан. Обеспокоенный состоянием короля, дофин Филипп строжайшим образом запретил извещать в лагере крестоносцев о смерти своего брата. Тяжелобольной король не должен ни при каких обстоятельствах узнать о смерти сына — гласил приказ дофина Франции. Караул тамплиеров охранял тело мертвого принца.

Но несколько дней спустя монарх все равно узнал горькую правду.

Лагерь крестоносцев за это время превратился в гигантский лазарет, где на всех углах кричали и стонали люди: молили дать им воды, позвать лекаря или — если дело шло к концу, — священника. Священникам, сопровождавшим крестовый поход, не было покоя. А потом умер кардинал-легат Родольфо Альбано.

Двадцатого августа эмир Аль-Мустанзир решил отправить гонца в лагерь короля Людовика. Гонца — Жана-Пьера де Вуази.

— Ты должен проститься со своим королем .

Палатка Людовика IX в развалинах древней римской крепости была просторной и высокой. У входа развевалась эмблема с золотыми лилиями на красном бархате. В пятидесяти шагах от шатра короля стояла дюжина воинов.

Когда юного Жана-Пьера де Вуази ввели в королевскую палатку, рыцарь замер на мгновение.

Хоть горел огонь во многих серебряных жаровнях, хоть поблескивало бесчисленное множество свечей, в шатре было сумрачно. Ложе короля было со всех сторон окружено знатными крестоносцами и священниками, среди них стояли сыновья короля, его младший брат Альфонс Пуату, королевский племянник Роберт Артуа, а также король Наварры. И только спустя несколько мгновений Жан-Пьер увидел изможденную фигуру на ложе — это был Людовик IX. Словно издали доносилась молитва священника.

Людовик IX тяжело дышал, его губы дрожали. Тонкая струйка слюны стекала из уголков его рта. Из глаз монарха текли слезы.

В этот момент в шатер вступил епископ Турский в сопровождении двух священников. На голове его была митра, а в правой руке золотой цимборий. Епископ приблизился к ложу умирающего. Руки монарха мелко дрожали. Епископ открыл цимборий и протянул королю гостию, а священники упали на колени.

Дыхание короля становилось все тяжелее, грудь вздымалась и опускалась с большим трудом. Правой рукой король в отчаянии прижимал к сердцу деревянное распятие.

Внезапно кто-то сказал Жану-Пьеру:

— Приблизьтесь, барон де Вуази, передайте ваше послание...

Адмирал Флоренц де Веренн склонился перед королем:

— Сир, это Жан-Пьер де Вуази, младший сын барона Рэде, Пьера III де Вуази. Он доставил вам послание эмира Тунисского, Аль-Мустанзира, чьим заложником стал в недавнее время.

Жан-Пьер упал перед ложем умирающего короля на колени, желая поцеловать дрожащую руку Людовика.

— Не подходи близко, сын мой, избегай опасного для твоей жизни прикосновения к моему телу... — задыхаясь, прошептал король.

— Нет! Нет! — с жаром возразил юный барон. — Дозвольте мне поцеловать вашу руку, сир! Не бойтесь за меня! Ваши заслуги перед Христом охраняют меня от болезни. Ибо спешил я предложить вам мир от эмира Туниса. Аль-Мустанзир клянется и впредь с добротой и почтением относиться к христианам в своих землях. А еще обещает эмир, что не придет на помощь султану Бибару, если армия крестоносцев двинется на Египет. — С этими словами Жан-Пьер положил на королевское ложе послание Аль-Мустанзира.

— Мир... мир... — закашлялся король. Казалось, письмо эмира очень взволновало его. Лицо Аюдовика было бело, как мрамор.

— Следуйте за мной, мои отважные воины! — внезапно прохрипел король; в глазах его появился странный блеск. А голова в волнении начала метаться из стороны в сторону. — Вот он, крест... там, за той стеной... О Гроб Христов! Трепещи, нечистый, неверующий народ! Крестоносцы, разрушите, уничтожьте эти стены!

— Он бредит... — прошептал король Наваррский.

Король со свистом втягивал в легкие воздух.

— Это твой дворец небесный, да, Иисус? — прошептал Людовик. Его глаза были открыты и во что-то вдали жадно вглядывались. Щеки короля внезапно покраснелись, как будто кто-то ударил его по лицу. — О блаженный Сион, приветствую тебя!

— Отец! Не покидай нас... — умолял дофин.

Властитель Франции отдал душу Творцу всего сущего.

Только сейчас слезы хлынули из глаз Жана-Пьера.

— Он умер! Какая смерть! — прошептал король Наваррский.

— Так умирают святые! — отозвался Альфонс Пуату.

Епископ Турский подошел к смертному одру короля и двумя пальцами закрыл глаза монарха. После этого священник опустился на колени и произнес:

— О святой король! Какие же страдания оставил ты нам в наследство!

Людовику IX, властителю Франции, было пятьдесят шесть лет.

Вернувшись во дворец эмира Аль-Мустанзира заложнику Жану-Пьеру де Вуази было очень плохо. Его колени дрожали, тело содрогалось от рвоты. Голова юного крестоносца раскалилась, словно железо на огне в кузнице.

— Я целовал руку моего короля... — прошептал он встревоженному не на шутку ибн Вазилю. И потерял сознание.

Чуть не случившаяся катастрофа

Плащаница оставалась самым ценным достоянием Савойского дома, выполняющим роль фамильного талисмана. А потом произошла катастрофа. В ночь с 3 на 4 декабря 1532 года в святой капелле в Шамбери вспыхнул страшный пожар. Убийственное пламя поглощало все вокруг. Плащаница Христа, находившаяся в капелле, хранилась в закрытом серебряном ларце-ликварии. Сам ларец стоял за толстой железной решеткой. По иронии судьбы излишняя предосторожность весьма часто бывает губительна, а не спасительна. Плащаница должна была погибнуть, уж слишком быстро распространялось пламя. Оно бушевало уже около шести часов. Монахини были так перепуганы, что не успели даже позвать ключаря. Они сами более двух часов старались спасти святыню. Обильно поливали водой серебряную раку, но ничто не помогало. Спасения как будто не было.

Но плащаница не погибла: шамберийский кузнец ворвался в горящую капеллу и выломал решетку. Драгоценную реликвию вынесли из церкви один из посланников герцога Савойского и двое священников. Чудом вынесли, ведь серебряная рака уже начала плавиться от сильного жара. Реликварий раскалился до температуры около 900 °С. Позже, во время исследований ткани плащаницы в 1978 году, в ней было обнаружено аномально высокое содержание серебра. Капли расплавленного металла попали на ткань плащаницы Христа. На реликвии до сих пор заметны следы огня и воды, которой ее так щедро поливали...

Плащаница была спасена

Но слухи о гибели священной реликвии уже поползли по миру. Слухи волновали умы и не утихали. Вскоре они достигли таких масштабов, что для расследования обстоятельств дела к герцогам Савойским отправилась папская комиссия. Только через полтора года после пожара плащаницу со следами пожара вернули в капеллу в Шамбери. А в 1578 году ее перевезли в кафедральный собор Св. Иоанна Крестителя в Турине. Но с 1543 года драгоценное полотно было покрыто куском ткани, ее старались надежно прятать от человеческих глаз. Ткань сняли только в 2002 году.. чтобы на обратной стороне плащаницы обнаружить еще одно, очень слабое изображение чьего-то лица.

По мнению итальянского профессора Джулио Фанти, возглавлявшего исследование, в ходе которого слабое изображение удалось сделать более четким, это оттиск все того же лица, что и на лицевой стороне плащаницы, хотя есть и кое-какие отличия. Очень хорошо, что имеются отличия. Дело в том, что, если бы обратное изображение было зеркальным по отношению к лицевому, плащаницу точно можно было признать подделкой — дескать, краски, нанесенные на одну сторону плащаницы, со временем просочились сквозь ткань. Но все дело в том, что в данном случае о зеркальности речь не идет, — это просто два изображения одного и того же человека.

Как написал В. Покровский в статье «Обратная сторона Туринской плащаницы», «чудеса на свете бывают, только каждое из них обязательно имеет реалистическое объяснение. Найдется ли объяснение феномену Туринской плащаницы и всем ее бесчисленным тайнам, Бог весть. Следующий раунд поисков намечен на 2025 год, когда монахи вновь извлекут ее из серебряного контейнера, где она хранится уже многие сотни лет» [\[9\]](#).

А пока и в самом деле пора предоставить слово ученым-исследователям Туринской плащаницы.

Продолжение легенды о плащанице

Как долго он пробыл без сознания, Жан-Пьер де Вуази впоследствии так и не смог припомнить. Вновь и вновь кто-то склонялся к нему из темноты. Один раз больной услышал какой-то далекий шум. Жан-Пьер с трудом открыл глаза, увидел какой-то нестерпимо яркий, просто невероятный свет и вновь провалился в беспамятство. А потом сознание вернулось, и к нему из непереносимо яркого света двинулся высокий стройный незнакомец. Глаза Жана-Пьера жадно впилась в силуэт, словно сотканный из света. Лицо он пока видел неотчетливо — человек, кажется, был бородат, по плечам спускались длинные каштановые волосы. Незнакомец склонился над ложем больного.

Теплый, почти нежный взгляд больших темных глаз приковывал к себе Жана-Пьера. Де Вуази показалось, что он не может пошевелиться, скованный по рукам и ногам этим взглядом. Сердце его учащенно забилося.

— Иисус? — прошептал он. — Ты пришел, чтобы забрать меня?

— Он бредит... — словно издалека произнес мягкий мужской голос.

Жан-Пьер зажмурил глаза, понимая, что обязательно должен не поддаваться мороку бреда. И силой заставил себя вновь приподнять веки.

Теперь рядом с ним был его друг, принц Халид.

— Доброе утро! — произнес сын эмира.

Жан-Пьер переспросил слабым голосом:

— Доброе утро?

— Да, утро 7 сентября...

— Значит, я...

— Ты пролежал в беспамятстве целых восемнадцать дней. Но теперь ты вновь пойдешь на поправку, так говорят ибн Вазиль и Натанаэль. Ах, да... — спохватился сын эмира, оборачиваясь к кому-то в покоях, — это мой друг Натанаэль.

Жан-Пьер с трудом повернул голову и увидел человека из света.

Натанаэль казался чуть старше Халида и самого Жана-Пьера. Лицо его выглядело мужественно и мягко одновременно. Волнистые до плеч каштановые волосы ниспадали с высокого лба.

— Утро доброе, — произнес он.

— Ты говоришь на моем языке? — удивился Жан-Пьер.

— Ну да, — отозвался рабби, — мы, иудеи, рассеяны по всему миру и говорим на многих языках. Кроме того, в Акконе — вы, европейцы, называете сей город Сен-Жан д'Акра — долгие годы я учился в школе раввинов. Ты, верно, знаешь, что Аккон относится к Латинскому королевству в Палестине, в нем говорят по-французски.

— Натанаэль только два дня назад прибыл в Тунис, — пояснил сын эмира, — мы вместе дежурили у твоей постели. А ты так и не заметил?

— Не помню... — прошептал Жан-Пьер. А потом собрался с силами и все же спросил: — Воцарился ли мир в Тунисе?

Лицо Халида помрачнело.

— Несколько дней назад в Эль-Багире произошла стычка между крестоносцами и нами. Карл Анжуйский напал на нас. Слава богу, погибли лишь немногие... — И Халид вновь улыбнулся. — Но не беспокойся. Мой отец сговорился с сицилианским королем, и вскоре вновь воцарится мир. Крестоносцы покинут наши земли и вернуться в свои родные края! Между отцом, повелителем Египта Бибаром и Анжуйцем сейчас вовсю идет торг!

— Они сговариваются о мире? — спросил Жан-Пьер. — А точно ли это? Или ты просто хочешь успокоить меня?

— Нет, Халид говорит правду, — вмешался в их разговор молодой рабби. — Один из наших величайших философов, Маймонид, считал, что исход брани может решить только ссора, а попытка договориться есть основа примирения. Собственно, о том же говорил и ваш апостол Павел в послании к коринфянам.

Жан-Пьер был изумлен. Иудейский рабби знал Новый Завет и даже цитировал его.

Словно читая мысли де Вуази, Халид заметил:

— Видишь, Натанаэль знает христианскую Библию и Коран намного лучше, чем мы с тобой! Уверен, нам троим предстоят интересные беседы! Так что набирайся сил для предстоящих разговоров...

Тем временем в лагере крестоносцев и пилигримов в развалинах крепости Марса происходило следующее.

С тех пор как в лагерь крестоносцев прибыл Карл Анжуйский, его дни — кроме того, когда была стычка в Эль-Багире, — состояли из воинских советов, посещений больных и раненых рыцарей и воинов, которые что-то ждали от него: или нападения на Тунис, дальнейшего похода в Святую землю, или (и таких было большинство) долгожданного возвращения на родину.

Казалось, мир с момента смерти Людовика IX затаил дыхание, да так и боялся выдохнуть.

5 сентября Карл Анжуйский пригласил к себе всех военачальников похода. Эмир Аль-Мустанзир за несколько часов до того в знак мира прислал королю Сицилии трех оседланных иссиня-черных жеребцов, два великолепных шелковых ковра и деревянный ларь с золотыми монетами. Когда руководители крестового похода собрались в шатре Карла Анжуйского, король

Сицилии решительным голосом оповестил их, что он, имея в виду, что половина воинов-крестоносцев либо уже умерла, либо лежит при смерти, отказался от любой мысли о военном столкновении с эмиром Туниса. Все устремили взгляды на дофина Филиппа. В последние дни, когда влияние сицилианского короля становилось все заметнее, Филипп все громче заявлял о том, что никогда не допустит, чтобы гарантированная победа отца над Тунисом была упущена из рук, а христианское воинство ради материальной выгоды Анжуйца спасовало перед эмиром. Однако сейчас дофин молчал. Очевидно, и он понимал, что война с Тунисом будет проиграна.

Зато Альфонс Пуату решительно выступил вперед.

— Нет, брат мой! — крикнул он Карлу. — Мы не должны давать врагам нашим времени на передышку, чтобы подготовиться к сопротивлению! Надо брать штурмом их стены! В интересах нашего упокоившегося брата я убежден, что договор с этим безбожным эмиром Туниса — дело бесчестное, оно было бы предательством наших святых задач, а следовательно, нашим страшным грехом!

Карл Анжуйский бросил на брата яростный взгляд. А затем решительно заявил, что дело-то уже решенное и спорить он не намерен. Он огласил отдельные пункты мирного договора, заключенного с эмиром, умолчав о том, что Аль-Мустанзир уже выплатил контрибуцию.

— Я собираюсь отправить воинов в родные края, — завершил свою речь король Сицилии.

Беспокойное ворчание раздалось в походном шатре Анжуйца. Рыцари умоляли его продолжить поход на Иерусалим. Король Сицилии выслушивал их с плохо скрываемым нетерпением. Он и не думал раскрывать перед ними свои карты. Никто не знал, что гонцы Анжуйца уже ведут переговоры при дворе египетского султана Бибара об открытии Иерусалима для христианских пилигримов из Сирии и европейских земель, причем политическое главенство мусульман над святыми землями Анжуец не думал ставить под сомнение. И поскольку Аль-Мустанзир поддерживал предложения сицилийского короля, можно было добиться подобного компромисса. Отвоевывать святые земли Анжуец и не собирался.

Поздним вечером освещенный ярким светом факелов Карл Анжуйский обратился к толпе воинов-крестоносцев.

Когда он сообщил, что вскоре воинство будет отправлено в Европу, из тысяч глоток вырвались крики радости и восторга. Однако были в толпе и такие, что возмущались. Но слышно их не было...

Его живописные полотна совсем не фотография... Но «истинный образ» Христа можно увидеть на картинах великого испанского художника XVII века Франсиско де Сурбарана. Сурбаран всю свою творческую жизнь рисовал святой образ на ткани в манере «трюмплей», то есть «обман зрения». И всякий раз великий художник интерпретировал его по-разному. В 1631 году Сурбаран написал картину «Святой лик». На ней он представил то, что в 1898 году увидел итальянский фотограф: среди складок ткани четко вырисовываются черты распятого Христа. Повторю: это картина 1631 года. Спустя двадцать пять лет, в 1656 году, художник создал еще более поразительное творение. На этом полотне черты лица проявляются на плащанице. Лицо Христа изображено как неясное пятно цвета запекшейся крови. При этом Франсиско де Сурбаран никогда не видел Туринской плащаницы...

Наука ссылается в своих сомнениях по поводу подлинности на следующего персонажа средневековой истории — монаха-бенедиктинца Корнелиуса Зантифлета. Он был в 1449 году в Льеже (Бельгия) во время демонстрации плащаницы Христа, проведенной по распоряжению Маргарет де Шарне. Местный епископ считал, что изображение на плащанице написано красками. По долгу службы Зантифлет с выводами епископа согласился и добавил, что плащаница «написана восхитительно». На этом средневековом свидетельстве современная наука основывает свои сомнения.

Удивительно только одно: где монах Зантифлет смог рассмотреть «восхитительно нарисанный» образ распятого Христа? В наши дни изображение на Туринской плащанице для невооруженного взгляда кажется бледным и едва различимым. Может, фотоснимки могут переубедить науку? В 1898 году Туринскую плащаницу — случай сам по себе редкий — выставили на всеобщее обозрение. Эта акция входила в программу торжеств, посвященных пятидесятой годовщине объединения Италии. Праздновали так называемый Альбертинский статут, конституционный закон 1848 года, принятый в королевстве Сардиния (именно он лег в основу общенациональной итальянской конституции). Демонстрацию плащаницы сочли удачным дополнением к официальным мероприятиям.

В эти дни к туринскому юристу Секондо Пиа обратились с просьбой сделать первые фотоснимки плащаницы. Дело в том, что Секондо Пиа был очень талантливым фотографом-любителем, сфотографировать плащаницу он согласился с охотой. Тем паче что сделать фотографии попросил его лично король Умберто I.

В общей сложности Пиа сделал 25 мая 1898 года всего Десять фотографий. Но именно эти фотографии, а не юриспруденция прославили итальянца на весь мир, сохранив его скромное имя для истории. Эти снимки стали самым значительным «делом» в его карьере. Рассматривая фотографии в своей «лаборатории», Секондо Пиа с удивлением обнаружил, что фотонегатив оказался очень четким. Вместо смутных очертаний бородатого человека глазам юриста-фотографа предстало четкое изображение страшно израненного совершенно реального тела.

«Снимок оказался жутким образцом по искусству распятия. Каждая царапина от ногтей, каждый след римского бича взывали к состраданию. Перед нами — жуткое доказательство бесчеловечности человека по отношению к себе подобному, кажущееся в наших глазах еще более страшным оттого, что мы слишком свыклись с мыслью, что этот человек — Иисус Христос», — написали Л. Пикнетт и К. Принс.

Секондо Пиа увидел лицо человека с плащаницы и замер, завороженный изможденным лицом мученика. После его снимков и взволнованного рассказа весь Турин — от мала до велика

— бросился в церковь лицезреть чудо. Собственно говоря, это и было чудо — увидеть страдающего и истерзанного Иисуса Христа. «Именно тогда плащаница начала свою собственную современную историю, историю культового предмета, совершенно уникального в своем роде. Поразительный синтез тела и изображения, отпечатка и портрета, древняя реликвия и современная фотография», — отмечается в статье, опубликованной 4 июля 2007 года в итальянской газете «Corriere della Sera».

Наука тоже замерла, но совсем не замороженно. Теперь было крайне трудно доказывать с пренебрежительным видом, что плащаница — грубая рисованная подделка времен Средневековья. Рисованным изображение быть не могло, потому что художнику не под силу создать образ, про изводящий «эффект негатива». Сразу же после открытия Секондо Пиа два итальянских художника — Карло Кусетти и Энрико Риффи — попробовали повторить изображение с плащаницы при помощи художественных средств, но с треском провалились. Рисованным изображение не могло быть еще и потому, что живописцы Средневековья не обладали такими великолепными познаниями анатомии, которые необходимы для создания подобного образа. А если еще вспомнить и тот факт, что натурализм в средневековые каноны не входил...

Уже в 1902 году французский биолог Поль Виньон смог детально исследовать анатомию человека, изображенного на плащанице, — исследовать по фотографиям Секондо Пиа. Это позволило его хорошему знакомому Иву Деляжу, профессору сравнительной анатомии в Сорбонне, человеку совершенно неверующему, доложить Парижской академии, что плащаница действительно была погребальным саваном Иисуса Христа. Надо отметить, что выводы ученого в буквальном смысле слова... оскорбили Парижскую академию. Деляж лишился научной карьеры. В 1931 году была сделана еще одна серия фотографий. Автором ее стал Джузеппе Энри. На этих фотографиях Энри запечатлел несколько участков ткани. Качество фотографий просто превосходное, по ним можно судить о фактуре материи плащаницы. Эти снимки использовались даже при детальном исследовании самой ткани, изображения и пятен крови.

В своей монографии «La Santa Sindone rivelata della fotografia», вышедшей в 1938 году в Турине, Джузеппе Энри отметил, что первые фотоснимки, сделанные Пиа, демонстрируют куда более сильные отеки и припухлость, чем на его собственных снимках. Он сам объяснял это тем, что Пиа не смог как следует расправить ткань плащаницы перед тем, как начал фотографировать ее, и поэтому изображение лица получилось слегка деформированным. Фотографии самого Энри были использованы во множестве исследований. Так, историки и патологоанатомы (что в данном случае важнее!) пришли к выводу, что человек, чье изображение отразилось на плащанице, был распят по древнеримским обычаям. Этнологи же обнаружили, что природный тип этого человека относится к иудеям сефардам, к которым был близок Иисус.

Наука сомневается и приписывает подобное прочтение монеты богатому воображению иезуита Файлеса, указывая на надписи на монете.

А затем пришла эпоха приборов УР-8, или анализаторов изображений. Воспользовавшись данным анализатором, Джон Джексон объявил, что трехмерные снимки выявили на глазах изображаемого на плащанице некие предметы — скорее всего, мелкие монеты. Богослов-иезуит Френсис Файлес благодаря УР-8 смог прочитать часть надписей на окружности монеты — четыре буквы: UCAI. Файлес предположил, что это — средняя часть надписи Tiberiou Caicaroс (Тиберий император). Как известно, во времена жизни Христа именно Тиберий был римским императором.

Да, такое написание действительно представляет собой ошибку, смешение греческих и латинских букв: по-гречески TIBERIOY KAICAPOC, на монете же — TIBERIOU CAICAROC. Но дело в том, что монетчики в Риме делали только серебряные монеты — динарии и драхмы,

мелочь же чеканилась в самих местностях, в данном случае в Палестине. Местные мастера нередко путали латинские буквы с греческими. Подтверждением тому может служить факт, что уже после сообщения о находке изображения монет на плащанице в разных музеях были обнаружены еще шесть монет с подобной — «ошибочной» — надписью... Плащаница, претерпев фотоплощение, была готова к встрече с наукой. А наука как бы пряталась от известной строки Евангелия от Иоанна: «Счастливы те, кто, не видев Меня, поверили». Наука и видела даже, но не поверила.

Продолжение легенды о плащанице

Мир снизошел на землю. Анжу ей, добился того, что паломники-христиане могли спокойно поклоняться Гробу Господню в Иерусалиме. Жана-Пьера де Вуази более никто не держал в заложниках во дворце эмира Аль-Мустанзира. Но и отправляться вместе с воинством крестоносцев в родные края юноше пока тоже не хотелось. Молодой барон стремился в Иерусалим. Сопроводить его на пути в Святую землю вызвался Натанаэль. Их путь лежал в Аккон, к рыцарям храма.

— Это мой друг Натанаэль бен Соломон, — представил де Вуази коменданту-тамплиеру Роджеру де Адаму. — Он многие годы прожил в Сен-Жан д'Акре, учился здесь.

Повернувшись к рабби, тамплиер спросил:

— Ты жил и учился в нашем городе, почтенный? В нашей школе талмудистов? Это радует меня.

Их оживленный разговор прервало появление монаха-францисканца лет шестидесяти. Он кивнул коменданту Аккона и замер в дверях. Его неухоженная лохматая борода доходила до толстого живота, выпиравшего из коричневой рясы. Из-под кустистых бровей монах молча наблюдал за Жаном-Пьером и Натанаэлем. Взгляд монаха был подобен металлу, холодный и жесткий.

— Это фратре Гюго де Бульо, глава местного отделения ордена францисканцев, — произнес Роджер де Адам. — Когда я сказал ему о вашем прибытии, дорогой де Вуази, преподобный фратре сразу же пожелал увидеть вас...

— Гюго де Бульо? — удивленно спросил Жан-Пьер. — Но так звали священника, крестившего меня! Вы?..

— Да, господин барон, я и есть твой крестный, — отозвался францисканец и вплотную приблизился к юному рыцарю. Запах немытого тела ударил в нос Жану-Пьеру. Этот нищенствующий орден категорически не любил мыться. Жан-Пьер слегка отступил в сторону.

Монах же тем временем говорил:

— Я отлично помню, как полил святой водой на твою маленькую головенку, помню твой возмущенный рев и дико молотящие ножонки...

Францисканец ухмыльнулся. Передних зубов у него не доставало, и в этот момент монах напомнил де Вуази одного из морских разбойников.

— А я помню, — произнес Жан-Пьер, — как мой отец рассказывал, что вы отправились в Святую землю вместе с крестоносцами в 1250 году...

— Не в последнюю очередь по просьбе твоего отца, — заметил францисканец, — чтобы сопроводить твоего брата Пьера. Несчастный погиб на море.

— Я думаю, мой батюшка и не знает, что вы все еще находитесь в Святой земле.

— Может быть, — согласился монах. — Я посылал твоему отцу несколько депеш на родину, сообщал о горькой судьбе твоего брата, а потом перестал писать... Шестой крестовый поход был ужасен. Мы все тогда вместе с королем оказались в плену, а потом Людовик покинул Святую землю. Но я-то не тот человек, который сдается слишком быстро! Я

остался на Востоке и никогда не оставлял надежды вновь вступить в святой город Иерусалим, — взгляд монаха омрачился. — Я рад ныне, что вскоре пилигримы свободно потянутся в священные места иерусалимские, но не скрываю, что мне больше по душе воинская победа христиан над магометанами! Христианское воинство должно было перерезать горла, испаривать утробы неверных безбожников, всех до единого: мужчин, женщин, детей! Но...

Жан-Пьер побелел, переглянулся с Натанаэлем, а рыцарь-тамплиер прервал словоизвержение францисканца небрежным взмахом руки.

— Не все придерживаются твоего мнения, почтенный фрадре, — резко произнес он.

Гюго де Бульо замолчал.

Выслушав яростные выкрики монаха, Жан-Пьер лишь с большим трудом нашел в себе силы улыбнуться одними только уголками губ:

— Если позволите, фрадре, я навещу вас в вашем монастыре после моего путешествия в Иерусалим и тогда расскажу вам о том, как обстоят дела в святом городе.

— Я позволяю, дорогой барон! Даже попрошу об этом во имя нашей старой дружбы с твоим отцом, — произнес францисканец.

Жан-Пьер торопливо попрощался и вместе с Натанаэлем покинул комендатуру Аккона.

— До чего же неприятен сей человек! — заметил Натанаэль, когда они отправились в сторону странноприимного дома иоаннитов.

— Заметил? Он все это время с такой яростью поглядывал на меня. Вид иудея оскорблял его.

— Мне он показался опасным безумцем, способным на любое преступное деяние, — подтвердил Жан-Пьер.

С чего же все началось для науки?

В 1969 году кардинал Микеле Пеллегрини, архиепископ Турина, созвал группу экспертов, представителей разных научных дисциплин. Созвал для того, чтобы выяснить, в каком состоянии находится плащаница Христа. Так начала работу так называемая Туринская комиссия.

Туринская комиссия проверила только уровень сохранности плащаницы и рекомендовала продолжить исследования. 23 ноября 1973 года святыню впервые показали по телевидению в прямом эфире, и на следующий день после показа Туринская комиссия продолжила свою работу. Эти исследования проходили под грифом «строго секретно». Почему? Ведь явных причин для подобных мер не было никаких. Официальные власти даже отрицали, что исследовательская работа вообще ведется. Только спустя три года, в 1976 году, было сделано заявление, что ткань святыни подвергнута анализу. Заявление это сделал сам король Умберто, законный владелец плащаницы Христа (он оставался им вплоть до 1982 года, когда плащаница была передана Церкви).

1978 год стал важной вехой в истории изучения реликвии-символа. Плащаницу выставили на всеобщее обозрение с 26 августа по 8 октября. Общество всколыхнулось, интерес был неподдельным. Из печати посыпались как из рога изобилия самые разные статьи и книги. Книга Яна Вильсона «Туринская плащаница» мгновенно стала международным бестселлером. А потом, снятый по сценарию Вильсона, на экраны вышел документальный фильм «Безмолвный свидетель» режиссера Генри Линкольна и сразу же стал лауреатом престижной премии в жанре документального кино. Плащаница Христа сделалась популярной и среди католиков, и в стане не католиков. Лицо Христа с тех пор смотрит на нас из витрин многих тысяч книжных магазинов.

В октябре 1986 года папа римский Иоанн Павел II встретился с представителями целого ряда лабораторий и Понтификальной академии наук в Турине, чтобы дать разрешение на проведение дальнейших исследований плащаницы.

Все лаборатории, отобранные для исследований Туринской плащаницы, были заранее подвергнуты самой тщательной проверке. Лабораториям предложили своего рода «контрольную работу по математике»: определить возраст различных материалов — и дали на исследование кусочки тела и ткани мумии фараона, погребение которого произошло четыре тысячи лет тому назад. Лаборатории на «отлично» справились с данным им заданием. Дата изучения Туринской плащаницы была назначена на 21 апреля 1988 года. Присутствовали представители всех лабораторий. За работами наблюдал Майкл Тайт из исследовательской лаборатории Британского музея. В 5:30 утра Туринскую плащаницу извлекли из контейнера, перенесли на середину собора Иоанна Крестителя и развернули. В 9:45 включили телекамеры, которые начали фиксировать каждое движение вокруг плащаницы. Профессор Папской академии Рид-жи вырезал кусочек плащаницы и разрезал его на три части, по числу лабораторий, которым предстояло делать исследование. Разрезанные части были переданы председательствующему Тайту, и тот перенес их в «Зала капитоля-ре», комнату капитулов. Там его уже ожидал кардинал Анастасио Баллестреро, архиепископ Туринский. Он поместил кусочки ткани в три отдельные банки. Но... происходящее в «Зала капитоляре» телекамерами не снималось. Странно, не правда ли?

В 20:30 того же дня, 21 апреля 1988 года, Туринская плащаница была возвращена на место своего обычного хранения.

На следующий день мир узнал о том, что с Туринской плащаницы были взяты пробы на радиоуглеродный анализ. Сумма с продаж телезаписей была колоссальной. Мир затаил дыхание в ожидании результатов.

Продолжение легенды о плащанице

Они сидели за стенами Аккона и беседовали о Христе. Странное дело, но Иисус сделался на пути в Иерусалим незримым спутником Жана-Пьера де Вуази, французского барона, и Натанаэля бен Соломона, иудейского рабби.

— То, что Иешуа воскрес после распятия, сначала увидели женщины, а более убедительного подтверждения исторической достоверности воскресения и быть не может, — говорил Натанаэль. — Если бы эти тексты Евангелий были только плодом воображения фантазирующих мужчин, женщины Иудеи никогда не поверили бы им. Глаза Жана-Пьера округлились от удивления.

— То есть ты хочешь сказать, что веруешь в воскресение Иисуса? — спросил он.

И к его еще большему удивлению Натанаэль ответил:

— Да, я считаю вполне вероятным, то, что Господь избавил Иешуа из Назарета, невинно убиенного, от цепких лап смерти и живым забрал к себе на небо! Ты вспомни, что происходило. Большая часть учеников Назарянина после его пленения и распятия бежала вначале из страха перед римлянами. Если и были на земле люди, смущенные в вере своей более, то это явно ученики Иешуа из Назарета. После его распятия они оказались перед горой разбитых надежд! Поэтому должно было произойти что-то невероятное, чтобы они вернулись и бесстрашно оповестили весь мир: «Он воскрес!» Все ученики и апостолы Иешуа мученически пошли на смерть за свои убеждения. Натанаэль молча смотрел на своего друга, а спустя какое-то время заметил:

— Мы, иудеи, тоже веруем в воскресение мертвых в конце всех времен. Так почему бы Всемогущему не воскресить некоторых праведников чуть раньше конца света? Ведь, в конце концов, Бог является «Мехайе Хаметим», «оживителем мертвых», как говорит иудейская теология.

— Но... но тогда ты — христианин! — воскликнул Жан-Пьер.

— Нет, я не христианин, — возразил Натанаэль. — Я знаю историю моего народа и моей религии очень хорошо. Я знаю историю нашего вавилонского изгнания и нашего возвращения в Землю обетованную, историю нашего восстания против римлян при императоре Тите Веспасиане и разрушения нашего храма, историю нашего рассеяния меж всех народов... Но существовал в истории моего народа человек, о котором я ничего не знал, о котором я долго не отваживался спрашивать. Жизнь этого человека, его существование были для меня подобны открытой незаживающей ране, которую предпочитаешь не трогать. Я не решался думать о нем, упоминать о нем. Тишина! Абсолютная тишина! Ничего! С моих губ не сорвется его имя, да и в моем сердце не может быть ему места. Я не проклинал его, я не благословлял его. Я боялся его! Но я любил его, не зная, ибо мне ведомо было только одно: кровь, проли тая из его тела, была кровью иудея, кровью от крови моей!

— Ты говоришь об Иисусе... — прошептал Жан-Пьер. — Но почему же ты боялся его?

— Почему боялся? Его именем подавляли бесчисленное количество иудеев, изгоняли и убивали! Вот почему большая часть иудеев ничего не хочет слышать об Иешуа. А потом я попал в Аккон, в город, где живет куда больше христиан, чем в остальных местах на Востоке. Это случилось на второй день моего появления здесь... Рабби прищурился. Он неподвижно смотрел вдаль:

— Я никогда этого не забуду! Я задумчиво шел по улице в центре Аккона. На углу стояло

деревянное Распятие. И вот... Я взглянул на обнаженного человека на кресте. Я видел голову в терновом венце, устало опущенные плечи, ввалившуюся грудь, худые ноги, закрытые глаза, не видящие более света дня. И я был поражен: это он? Через несколько мгновений ужаса и восхищения мое сердце исполнилось сострадания к этому человеку... Натанаэль сморгнул слезы:

— С того часа я ищу его. Я ищу не Сына Божьего Христианской церкви, не еретического учителя народа, каковым Иешуа по сей день выглядит в глазах многих иудеев и рабби. Я хочу знать, кем или чем был этот Назарянин: одним из лжемессий или пророком, мятежником, восставшим против римлян, или нежным мирным человеком? Что следовало мне делать? Где я мог узнать правду об Иешуа? Все мое время уходило на изучение Торы, Мишны и Талмуда. А еще трудов иудейских поэтов и философов, таких как Филд Александрийский и Маймонид. Однако во всех этих книгах, у всех этих ученых я поначалу ничего не находил о нем!

— Но разве же в Талмуде не написаны ужасные, противоестественные и страшные слова об Иисусе? — осторожно спросил Жан-Пьер. — Так считают в нашей Христианской церкви.

— Но это неправда, — ответил Натанаэль. — Талмуд, который столь часто сжигают епископы и священники твоей Церкви, на самом деле ни слова не говорит об Иешуа из Назарета, которого вы называете Сыном Божьим. Да, есть труд под названием «Толедот Иешу». Но ведь в Иудее каждого четвертого мальчика называют Иешуа! — Молодой рабби замолчал. — И вот в один из дней я наконец нашел кое-что у Маймонида о Назарянине. Совсем небольшой отрывок! Маймонид очень осторожно высказывал о Назарянине нечто доброе. И это придало мне мужества взяться за христианскую Библию. С замирающим сердцем я принес ее домой. Целую неделю не решался открыть ее. Но на восьмой день... Я читал и читал! И понял: Иешуа как брат мне! — Натанаэль засмеялся. — Мы верим в одно и то же. Иешуа был даже больше иудеем, чем все остальные, чем наш великий учитель Гиллель, знаменитый ученый первого века до вашего летоисчисления.

— С чего это ты взял? — растерялся Жан-Пьер.

— Ну, начнем с того, что Иешуа был сыном иудейки. Он рос среди иудеев. Его родители на восьмой день сделали ему обрезание, через сорок дней доставили в храм Иерусалима. Да и впоследствии во всех своих действиях он вел себя как иудей. Иешуа выполнял все иудейские заповеди, он видел в Боге отца небесного. Он сочувствовал бедным, любил готовых покаяться.

— То есть Иешуа не принес ничего нового? — немного обиженно спросил Жан-Пьер.

Натанаэль кивнул головой:

— Любой иудей может поучиться у Иешуа быть иудеем. Он для меня посланный Богом пророк.

— Ты называешь Иисуса пророком, — проговорил Жан-Пьер, покраснев от волнения. — Ты даже веришь в его воскресение. Тогда что же тебе не нравится в нашей вере?

— Начнем с того, что я, признавая Иешуа пророком, не считаю его мессией. Мессия — Избавитель мира. Но мир так и не избавился от насилия, жестокости, голода, бедности, болезней и войн, а значит, Иешуа не мессия! Мир не спасся.

— Понимаю, — кивнул головой Жан-Пьер. — Ты думаешь, что Иисус сам себя объявил мессией?

— Да, Иешуа был убежден в своем мессианстве.

— Значит, ты не веришь, что Иисус был Сыном Божьим? — грозно спросил Жан-Пьер, и так зная ответ.

— Конечно, не верю! Бог не может быть человеком и умереть! Верить же в человека — для меня это не представимо. Я могу верить вместе с Иешуа, но не в Иешуа-бога.

Друзья шли вдоль берега реки. Песок поскрипывал у них под ногами. Жан-Пьер исподтишка наблюдал за другом. Натанаэль видел красоту природы во всем. Любовался небом и землей.

— Дозволь спросить еще, — сказал Жан-Пьер.

— Конечно.

— А в чудеса, что творил Иисус, ты веришь?

— Конечно, я верю в чудеса! Бог часто являл в прошлом чудеса, являл через своих пророков. Так почему Иешуа должен быть исключением?

Результаты

Наука с гордостью оповещала публику о результатах радиоуглеродной датировки. С вероятностью до 99,9% лаборатория в Аризоне 8 июня 1988 года объявила, что ткань для Туринской плащаницы была изготовлена в 1350 году (то есть, добавим мы к этому, через год после того, как плащаница начала демонстрироваться в Лирее?!). Лаборатория в Цюрихе сделала заключение, что ткань для Туринской плащаницы была изготовлена в промежуток между 1290 и 1360 годами. А оксфордская лаборатория заключила, что ткань для Туринской плащаницы была изготовлена все в том же 1350 году. Наука вынесла вердикт: «Официально признано: Туринская плащаница — подделка» («Official: The Turin Shroud is a Fake»). И Церковь пошла в ногу с наукой. Во время своего визита в Африку 28 апреля 1989 года папа Иоанн Павел II «напомнил» верующим о том, что Католическая церковь якобы никогда официально не признавала плащаницы в качестве подлинных погребальных пелен Христа. По горячим следам Церковь подтвердила научный приговор. А он подписан и обжалованию вроде бы не подлежит.

Все верующие люди были шокированы. Плащаница для них казалась чем-то гораздо большим, чем просто священная реликвия. «Шоковую терапию по вере» довершил скептический комментарий профессора Холла: «Кто-то взял кусок ткани и воспользовался им для создания подделки. Я не думаю, что теперь Туринская плащаница представляет хоть какой-то интерес» ^[10]. В состоянии шока все почему-то забыли о том, что представляет собой пресловутый метод радиоуглеродной датировки.

Следует добавить, что во время исследования образца с Туринской плащаницы в оксфордской лаборатории с 6 мая по 27 июля 1988 года случился непредвиденный казус — произошел сбой оборудования, и его вообще пришлось спешно перенастраивать.

Есть еще один интересный нюанс, касающийся плащаницы. Радиоуглеродная датировка могла бы дать скорее более позднюю, нежели более раннюю дату, при условии, что во время пожара 1532 года в волокнах ткани остались загрязняющие частицы. И вот в 1993-1994 годах два русских ученых, Дмитрий Кузнецов и Андрей Иванов, работающие в лаборатории биополимеров им. Е. А. Седова, решили проверить такую возможность. Они хотели выяснить возможное влияние пожара 1532 года на датировку плащаницы. Заказ был сделан исследователем плащаницы Дж. Джексоном.

Кузнецов и Иванов провели экспериментальные исследования по изучению процессов химического присоединения углерода из атмосферы к молекулам целлюлозы в условиях пожара 1532 года. Экспериментально русским ученым удалось доказать, что целлюлоза в условиях пожара 1532 года на самом деле химически связывает с собой углерод из атмосферы. Причем присоединяется именно более «молодой» углерод из атмосферы, а это, естественно, сказывается на датировке плащаницы. Возраст плащаницы автоматически «старился» на двадцать процентов.

Воистину, пожар 1532 года оказался для плащаницы Христа роковым. Об этом написал в научном журнале «Термохимика акта» и американский химик Рэймонд Роджерс. Он, будучи сотрудником Национальной лаборатории в Лос-Аламосе, принимал участие в исследовании плащаницы еще в 1978 году.

Роджерс утверждает, что ученые, проводившие в 1988 году радиоуглеродный анализ реликвии, использовали неверные пробы. По его словам, исследователи взяли пробы волокон материала из мест, где плащаница была повреждена в пожаре 1532 года и затем... починена монахинями. А они ее и в самом деле чинили, письменные свидетельства этого сохранились до

сих пор. Роджерс говорит, что возраст материи, которую использовали в качестве заплатки, действительно насчитывает не более 800 лет, однако возраст самой плащаницы может быть от 1300 до 3000 лет. На чем ученый основывает свое мнение?

Дело в том, что Роджерс имел доступ как к пробам, взятым с плащаницы еще в 1978 году, так и к тем, что использовали через десять лет. Он указывает, что в волокнах полотна плащаницы отсутствует такое химическое вещество, как ванилин, зато в заплатках оно уже есть.

Ванилин является продуктом распада другого вещества — линина, присутствующего в льняном полотне. А плащаница как раз из льняной ткани. Содержание ванилина падает со временем, что «дает возможность оценить возраст волокна в зависимости от процентного содержания данного вещества в нем. Я считаю, что плащаница должна быть очень старой, так как в пробах, взятых из мест, не поврежденных пожаром, вовсе не было найдено ванилина. Согласно кинетике распада ванилина, возраст плащаницы должен быть между 1300 и 3000 лет», — утверждает ученый [\[11\]](#).

Но почему же тогда ученый мир не пересмотрит результаты радиоуглеродного анализа? В 1992 году немецкие исследователи Хольгер Керстен и Эльмар Грубер в книге «Заговор вокруг Иисуса» дали вполне смелое объяснение: датировка была сфальсифицирована учеными.

Керстен и Грубер говорят о подмене. Фрагменты ткани XIV века стали материалом подлога. Это произошло, когда М. Тайт запечатал пробы в контейнерах перед передачей их представителям лабораторий. Дело в том, что это был единственный этап операции вне пределов видимости видеокамер.

Доклады ученых, принимавших участие в датировке, были переполнены явными противоречиями. Они даже не могли точно указать размеры полученных ими образцов. Сами же образцы были уничтожены. Керстену и Груберу приходилось полагаться на фотографии, сделанные в Туринском соборе, когда из ткани плащаницы вырезали образцы, и на снимки, полученные в лабораториях. Так вот, эти фрагменты невозможно совместить друг с другом. Вердикт науки оказался сомнительным.

Продолжение легенды о плащанице

Они добрались до Святого города. Всадники, торговцы, крики, смех... Мальчишки в развевающихся рубашках мелькали тут и там. Старухи в черных и цветастых юбках тащили корзины на головах, торговали овощами, яйцами и курами. Затаив дыхание, Жан-Пьер и его спутник продвигались к той церкви, которая была для христиан всего мира наиболее священным местом на земле: к храму Гроба Господня. Единственное, что поразило Жана-Пьера, — церковь располагалась в самом городе, а не за его стенами. Разве же не написано в Библии, что Иисус с крестом на плечах был выведен прочь из города к тому месту, что по внешнему своему виду более всего напоминало череп, на греческом «Кальвария», а на арамейском «Голгофа»? Юный рыцарь с детства помнил рассказы, что Иисус был распят на горе.

Пришлось Натанаэлю объяснять ему:

— Тот факт, что церковь расположена в самом городе, не может быть доказательством обмана сказания. Ведь иерусалимские стены не всегда были на этом месте. Через десять лет после гибели Иешуа в Иерусалиме многое было перестроено и передвинуто. Так что и Голгофа оказалась внутри города. А представления западных христиан о «Кальвария» совсем неверны. Евангелисты никогда не говорили о «горе». Голгофа — это всего лишь небольшой скалистый холм, пару локтей в высоту. Языческий император Гадриан, которому почитание этого места ранними христианами было как бельмо на глазу, велел сровнять его с землей и построить храм с изображениями идолов. По повелению императора

Константина языческое капище сровняли с землей, и гроб Христа вновь стал виден.

— И откуда тебе все это известно? — удивился Жан-Пьер.

— Всякий раз, бывая в Иерусалиме, я прихожу в храм Гроба Господня. В последние годы это дозволено и иудеям. Правда, никого из своих соплеменников я здесь не видел. Смотритель у входа и так каждый раз очень удивляется, когда видит меня... При первом взгляде на церковь Жан-Пьер, привыкший к великолепию соборов своей родины, был разочарован. Тем не менее ноги Жана-Пьера слегка дрожали. В храме юный французский барон упал на колени, глядя на гроб Спасителя. После того как Жан-Пьер закончил молиться, Натанаэль прошептал ему:

— Представляешь, здесь когда-то был оливковый сад Иосифа Аримафейского...

А потом они отправились в Гефсиманский сад.

— Как думаешь, — спросил проголодавшийся Жан-Пьер, — это будет совсем безбожно, если мы поедим в столь священном месте?

— Но почему безбожно? — удивился Натанаэль. — Разве не ел здесь Иешуа вместе со своими друзьями?

Жану-Пьеру казалось, что он еще никогда не ел такого вкусного хлеба и не запивал столь дивным вином, оно впитало в себя вкус солнца и земли, на которой был возведен этот священный город. Спустя какое-то время французский рыцарь спросил:

— Как думаешь, что происходило на самом деле, когда Иисуса взяли под стражу, допрашивали, вынесли приговор и распяли? В наших церквях всегда проповедовали, что иудеи повинны в его смерти...

— Вот уже свыше двенадцати столетий нас упрекают в смерти Иешуа на кресте, — задумчиво проговорил Натанаэль. — Поэтому Господь проклял нас, наказал и все еще продолжает наказывать. И поэтому христиане оправдывают все свои страшные преступления против моего народа. Голос Натанаэля задрожал.

— А ведь именно Пилат вынес приговор Иешуа! Именно он, преоставитель Рима, имел право «Ius gladii» — выносить смертные приговоры. В Новом Завете говорится, что Пилат защищал Иешуа. И с каких пор римский прокуратор стал человеколюбом? — Натанаэль с трудом совладал с волнением. — В воспоминаниях современников Пилата называют человеконена вистником, жестоким и бессовестным человеком. Среди иудеев его звали кровопийцей. Он был фанатиком Рима. Любил римский образ жизни, его совершенно не волновали бродячие иудейские пророки. Правил он в Кесарее на Средиземном море, в эллинистическом городе с большим театром. С большой неохотой он появлялся в Иерусалиме по большим иудейским праздникам. Рабби наморщил лоб:

— А вот какой интерес преследовали Кайафа и синедрион со смертью Иешуа? Да, Кайафе нужны были покой и порядок. Да, в синедрионе обсуждали появление Назарянина. Но большими правами иудеи не обладали. Именно римляне пленили его как вождя мятежников и привели к Пилату. Приговор Пилата был вполне закономерен: Иешуа называл себя мессией и царем иудейским. Зачем Риму царь в Иудее? Предположение Евангелий, что иудейские священнослужители требовали у Пилата ареста и казни Иешуа, а тот не решился освободить его, просто смешны. Для Пилата Иешуа был не религиозным возмутителем спокойствия, а политическим мятежником. Ведь повесили ему на распятии табличку «Царь Иудейский», объяснив таким образом причину казни. Рабби вскинул глаза к безоблачному небу:

— Вот тут Пилат ошибся! Иешуа никогда не рвался в политические лидеры. Его намного больше волновало то, что в сердца иудеев закралась римская ржа сладострастия. Когда Матфей и Иоанн пишут, что весь народ иудейский требовал для Иешуа смерти, это обман и оговор! Да и как? Во времена Назарянина миллионы иудеев жили по всему миру. В Иерусалиме собралась лишь малая часть их. Большинство иудеев, живущих во всех странах, о

процессе над Иешуа и не знали ничего. Да и в Палестине о нем ведали только немногие. Жан-Пьер долго молчал, пытаясь себе представить, что происходило в те далекие времена на самом деле.

— Тогда почему Евангелия обманывают нас, описывая те события? — наконец спросил он смущенно.

— Ты не должен забывать о том, что моя религия всегда особняком держалась в этом мире. А потому многие называют нас фанатиками закона, презирающими людей. Мнение ошибочное, как и то, что Иешуа хотел реформировать нашу церковь! Скольким же людям эта ложная теология уже стоила жизни, сколько страданий причинила!

— В нашей церкви говорят, что Иисус умер во искупление наших грехов...

— Разве так понимал свою смерть Иешуа? — удивился даже Натанаэль. — Такое представление вообще чуждо иудеям. Господь есть любовь. Так почему Бог может простить нас, людей, только тогда, когда ему принесут в жертву жизнь невинного человека? Нет, Иешуа доверял своему Отцу, Богу любви. Поведение Иешуа говорит о том, что мы не должны воспринимать его мученичество как жертвоприношение. Назарянин хотел защитить жизнь своих друзей, чтобы они и дальше несли людям освобождение от всяческой ненависти и насилия. Вот за это он и пошел на смерть. Он вел себя не как безвольная жертва, а из любви к истинной жизни и миру.

— Значит, по-твоему, Иисус не за нас умер? — спросил Жан-Пьер.

К его большому удивлению Натанаэль ответил:

— Да нет же, как раз за нас-то он и умер! Иешуа своей смертью показал нам, что насилие и войны должны исчезнуть из этого мира, показал своим непотивлением злу... В лавке старьевщика Натанаэль подозвал Жана-Пьера к себе и протянул ему две маленькие монетки:

— Это что-то интересное... Когда Жан-Пьер склонился над деньгами, рабби объяснил:

— Видишь? На этих монетах стоит греческая надпись: «ΤΙΒΕΡΙΟΥ ΚΑΙΣΑΡΟΣ». Монеты времен Тиберия. Такие лепты печатались во времена Понтия Пилата.

— Монеты времен Пилата... — ахнул Жан-Пьер. — Неплохо! Думаю, стоит их подарить странному францисканцу!

Лучшим свидетельством подлога результатов радиоуглеродного анализа может быть ткань Туринской плащаницы. Ее материал представляет собой отрез льняной ткани длиной 4,36 м и шириной 1,1 м, что соответствует размерам 8x2 локтя. Эта древнейшая мера длины применялась в античном мире и на территории Палестины. Еще в 1976 году ткань была подробно изучена. Ее определили тогда как старинное льняное полотно, сотканное зигзагом 3x1. Именно так в первых веках нашей эры ткали шелк и льняное полотно. Подобные образцы были найдены во время раскопок в Передней Азии. Во время исследований 1976 года было установлено, что нити для полотна спрядены вручную, а сама ткань произведена на ручном ткацком станке. И это является еще одним доказательством «почтенного возраста» плащаницы. Дело в том, что в Европе после 1200 года (особенно в 1350 году!) повсеместно использовалась колесная прялка.

В самой льняной ткани плащаницы были обнаружены незначительные следы хлопковых волокон. То есть ткань ткали на том же самом станке, на котором пряли и хлопковые ткани. Вы спросите, что в этом необычного? Постараюсь объяснить: именно в древнем Израиле ритуальные предписания разрешали иудеям использовать одно и то же ткацкое оборудование для изготовления льняных и хлопковых тканей. А вот в Европе... В Испании хлопок начнут ткать только в VIII веке, в Голландии — только в XII веке.

Доктор Макс Фрай был знаменитым швейцарским криминалистом. Он оказался единственным представителем неитальянцев в первом составе так называемой Туринской комиссии. В 1973 году он взял пробы пыльцы с ткани символа-реликвии. Метод при этом был сногсшибательно прост: Фрай наклеил поверх ткани липкую ленту, а затем отклеил ее. И начал анализировать найденные частицы под микроскопом.

Работа была кропотливой и долгой. В результате к 1976 году Фрай идентифицировал 48 видов пыльцы растений, растущих на Ближнем Востоке. В наибольшем количестве на плащанице были представлены частицы пыльцы, характерной именно для палестинских видов растений. А еще по исследованиям Фрая можно проследить историю странствий плащаницы. Так, *erimedium rubigerium* растет в районе Константинополя, а *atraxaxis spinosa* — только в окрестностях древней Эдессы в Сирии. Значит, перед нами все-таки мандилион?

В 1978 году под микроскопом были рассмотрены отдельные волокна ткани по всей поверхности плащаницы. В тех областях, где находится изображение на плащанице и почти по всей прочей поверхности ткани, волокна имеют тип 2-образного скручивания. Дело в том, что в первом веке тип подобного скручивания волокон характерен именно для Сирийско-Палестинской области.

Но исследователи ткани плащаницы пошли еще дальше. В 1993 году Ребекка Джексон выдвигает предположение о том, что ткань реликвии-символа могла быть первоначально использована как скатерть. Скатерть со стола Тайной вечери. Перебор? Не заходят ли ученые слишком далеко в своих высказываниях и предположениях? Дело в том, что ортодоксальные иудеи используют только новую скатерть для празднования иудейской Пасхи. Таким образом они как бы гарантируют чистоту и непорочность принятия ритуальной пищи.

По мнению Джексон, высока вероятность того, что Иосиф Аримафейский был членом Хевран Кидуша — официального похоронного общества иудеев. И юридически он имел полное право потребовать тело Иисуса Христа у Пилата. Право у него было, но времени оказалась мало: ведь до наступления заката солнца ему нужно было достать новую, официально разрешенную ткань для похорон. Вот почему Иосиф Аримафейский использовал для погребения ту самую скатерть, что вовремя Тайной вечери один раз покрывала стол Иисуса. По мнению Ребекки

Джексон, ткань Туринской плащаницы отвечает всем требованиям иудейского погребального покрывала под названием «тахрихим» и имеет правильные размеры, чтобы служить скатертью для пасхального стола на тринадцать человек.

Пятна крови

Наука утверждает как непреложный факт то, что никакого изображения на ткани под кровавыми пятнами нет вообще.

Да, крови на Туринской плащанице много. На верхней части головы, на лбу, темени. Кровь стекала по рукам и вытекала из большой раны на запястье. В области груди тоже заметно огромное кровавое пятно — след раны, которую, согласно Евангелию, оставило копье римского солдата. Кровь вытекала из ран на ногах; особенно большое пятно заметно в следе от ступни одной из ног. Наука долго сомневалась, кровь ли это.

Исследования под микроскопом, проведенные в 1978 году, отчетливо показали, что на нитках ткани нет ни малейших признаков пигментов или красителей. Кровь и в самом деле оказалась кровью. В 1980 году Моррис, Швальбе и Ландон показали наличие значительной концентрации железа в области пятен крови на плащанице. Лучи рентгеновского аппарата высветили четкую линию железа. Гемоглобин крови содержит этот металл; ученые обнаружили, что железо в пятнах на плащанице окружено так называемыми спиральными кольцами. Медики сразу поймут: такие кольца есть только в крови. В краске их нет и быть не может.

В том же 1980 году ученые Геллер и Адлер провели спектроскопические исследования и обнаружили в следах крови на плащанице гемоглобин, а в 1981 году — билирубин и альбумин. Ими было проведено двенадцать специальных тестов, которые подтвердили, что на плащанице находится действительно настоящая кровь. А Боллоне, Йорио и Массаро в том же далеком от нас 1981 году убедительно показали, что перед нами именно человеческая кровь, принадлежащая к 4-й группе (AB). Напомню один эпизод рассказа о 21 апреля 1988 года. Риджи разрезал пополам образцы ткани. А также изъяс образцы крови, желая впоследствии выяснить их генетические характеристики. Он использовал два крошечных скальпеля. Чтобы нанести наименьший ущерб изображению, он скоблил с той стороны плаща ницы, на которой отпечатались спина и задняя часть головы. Для большей сохранности Риджи положил материалы в сейф хранилища банка.

Чем завершились исследования трех лабораторий, мы знаем. Но мир не желал мириться с утверждением науки, что плащаница — подделка. Через четыре с половиной года, в 1992-м, профессор Гарса-Валдес сделал научное открытие о том, что некоторые бактерии при определенных условиях в процессе своей жизнедеятельности производят полимерные покрытия на поверхности древних экспонатов. Он показал, что слои этих покрытий могут вызывать серьезные ошибки радиоуглеродного анализа. Гарса-Валдес задумался: а не может ли и плащаница Христа быть покрытой подобными микроорганизмами?

Он обратился к новому хранителю плащаницы, кардиналу Сальдарини, желая вновь исследовать плащаницу. Тот не предоставил плащаницу профессору, но отправил к Джованни Риджи, который принес выборки 1988 года из хранилища банка. Исследовав полоску ткани под переносным микроскопом, Гарса-Валдес действительно увидел, что ткань «закрыта» полимерным покрытием и это серьезно воздействует на точность радиоуглеродной датировки.

Но хотелось изучить и ДНК крови. Гарса-Валдес передал пробы крови в Центр передовых технологий ДНК при Техасском университете. Там доктор Виктор Трайон смог изолировать и выделить сегменты генов, показывающие, что пробы содержат ДНК мужчины. Причем наличие обоих типов X и Y хромосом в «ДНК Бога» (именно так Гарса-Валдес, не смущаясь, назвал свою книгу) свидетельствует лишь об одном: данный мужчина появился на свет вполне естественным путем, а не в результате Непорочного зачатия...

Оставалось только понять, каким образом оказалось изображение человека на ткани

плащаницы.

Откуда явился образ?

Наука вполне резонно спрашивает: если Туринская плащаница подлинная, то как на ней тогда мог проявиться образ? И даже если это подлог, все равно, каким образом было получено изображение? От верующих в чудо наука себя уже отделила, она ни на йоту не желает отступить от научных принципов и иметь что бы то ни было общее с подобными аутсайдерами веры в плащаницу.

Версий появления изображения на плащанице множество. Некоторые считают, что это результат некоего паранормального явления. То есть уже не чудо, но близко... В действие были приведены некие сверхъестественные силы.

Парапсихолог из Мексики Цезаре Торт предположил, что образ на плащанице — это так называемая мыслеграфия. Последние данные показывают, что на свете существуют люди с особым складом психики, способные при помощи концентрации мысленной энергии запечатлеть на фотопленке вполне четкие образы. Примеры есть — имя Ури Геллера у многих на слуху.

Цезаре Торт никак не мог объяснить себе противоречия между историческими свидетельствами и научными данными, полученными в исследованиях плащаницы в 1988 году. Он задумался, каким образом ткань XIV столетия могла донести до нас изображение человека, жившего в I веке. Никак вроде бы. Значит, во всем «повинна» мыслеграфия, проекция на ткань коллективных представлений паломников, собиравшихся со всей земли, чтобы посмотреть на полотно. Вопрос к Торту только один: зачем паломникам собираться со всей земли, если на ткани не было лика Бога?

Любопытна другая теория — так называемая теория «ядерной вспышки». Физик-ядерщик из Великобритании Китти Литтл в 1950 году, в тот момент совершенно не думая о плащанице Христа, работала над вопросом воздействия ионизирующей радиации на различные ткани, в том числе и льняные. В зависимости от дозы облучения образцы льняной ткани становились то соломенного, то темно-коричневого оттенка. А потом Литтл увидела тот же самый оттенок ткани на плащанице. Чем плотнее прилегала пелена к телу, тем отчетливее было изображение. Оно напоминает следы ожога или осияния, оставленные длившимся доли секунды высокоинтенсивным радиоактивным излучением, исходившим от тела Иисуса. Следовательно, его воскрешение сопровождалось процессом регенерации, затронувшим ядерную структуру тела.

Теория вроде бы заманчивая. Но... вспышка-то была ядерной. Если бы она произошла, думаю, ни плащаницы, ни Иерусалима мы бы с вами точно не увидели. Именно поэтому Джон Джексон выдвинул немного другую гипотезу — гипотезу «излучающего тела». В его эксперименте были задействованы скульптурные изображения, обмазанные фосфором, в темноте излучающим поглощенный свет. Оказалось, что степень потемнения ткани зависела от ее удаленности от излучающего тела. Все тело при этом должно излучать.

Александр Беляков, руководитель Московского центра Туринской плащаницы, выдвинул гипотезу «огненного тела»: воскресающая плоть внутри льняной ткани в определенный миг оказалась окруженной световидной энергией в форме тела. Как бы там ни было, есть еще теории, связывающие появление образа с редкими естественными процессами, например с химическими реакциями между телом Иисуса и тканью погребальной пелены.

Для начала давайте обратимся к теории «испарениеграфии» Поля Виньона. Виньон предположил, что ткань была пропитана ароматическими маслами мирры и алоэ. Это соответствует евангельским описаниям. И такая пропитанная маслами ткань вступила в

реакцию с аммиаком, выделявшимся телом. Что тоже соответствует суровой действительности — тела людей, умерших в результате страшных пыток и мучений, покрываются «смертным» потом. В нем необычайно велико содержание мочевины, изобилующей аммиаком.

Исследования в этом направлении продолжили Эльмар Грубер и Хольгер Керстен. Они провели эксперимент прямо на себе. Умастили тело Керстена смесью алоэ и мирры и затем подвергли локальному нагреванию. Их не настолько волновало происхождение изображения на пелене, как тот вопрос, что в теле Иисуса еще продолжала теплиться жизнь. Изображение они получили, а догадка так и осталась догадкой.

Родни Хор выдвинул гипотезу так называемой термографической коррекции. Он хотел доказать, что, находясь во гробе, Иисус, возможно, оставался живым и поэтому более теплым, чем все остальные предметы в гробнице. И добавил, что воскрешение — это всего лишь возвращение из состояния комы. Доказывал Хори то, что если тело оставалось теплым, то нижняя, или задняя, половина покрыва тоже была бы теплее верхней половины. Это могло бы объяснить, почему одна часть плащаницы темнее другой. Само же тело покоилось в саркофаге, накрытом сверху не крышкой, а полотном.

Окончательного ответа не дано, как не дано и ответа на другой вопрос: кто тот человек с плащаницы?

Продолжение легенды о плащанице

По возвращении в Аккон Жан-Пьер де Вуази решил нанести визит Гюго де Бульо. Тот явно обрадовался приходу молодого барона. Он держал правую руку Жана-Пьера между своими влажными руками и многословно заверял в том, как рад его визиту. Прикосновения монаха были неприятны Жану-Пьеру, но из вежливости он не отважился забрать руку. Наконец ему удалось достать из складок плаща маленький белый пакетик.

— *Я кое-что доставил вам, фрадре, из Иерусалима. Это только мелочь, но думаю, она заинтересует вас.*

Монах выудил маленькие монетки.

— *Это монеты времен нашего Господа Иисуса Христа, — пояснил юный барон. — В греческих буквах на них отчеканено имя императора Тиберия. Видите?*

Монах повертел монеты.

— *Такой бесценный дар я не могу принять... — проговорил наконец францисканец. И мгновенно спрятал мешочек с монетами в складках своей коричневой рясы. А потом спросил: — Откуда они у тебя, сын мой?*

— *От арабского торговца, — ответил Жан-Пьер. — От отца я слышал, что вы любите древности, и подумал, что вам понравятся эти монеты... Это, конечно, не реликвии, но все же Понтий Пилат оставил о себе память в Священном Писании...*

— *Все верно! — с серьезным видом отозвался монах. — Понтий Пилат был своего рода некрещеным святым. Он пытался спасти Господа нашего Иисуса Христа от проклятых иудеев, требовавших распятия!*

Жан-Пьер тут же вспомнил, что рассказывал ему Натанаэль, но не испытывал ни малейшего желания спорить об этом, с Гюго Бульо. Он лишь быстро спросил:

— *Как поживают ваши поиски реликвий для ордена и Франции, фрадре?*

— *Как никогда хорошо, сын мой! Силой мы, конечно, сейчас не можем забирать святыне косточки из церквей схизматиков, тем паче что король Людовик почил в бозе, а воины покинули Святую землю. Но покупать еще как можем. Вот совсем недавно приор маленького монастыря схизматиков с Кармеля был у меня в гостях. В его церкви есть реликвии некоторых святых — святой Варвары, святой Екатерины, святого Георгия. Нет секрета в том, что*

монастырь обнищал и его монахи страдают от нужды, — вот приор и решил поторговать реликвиями.

С этими словами монах вытащил из кармана сутаны маленький металлический реликварий и протянул Жану-Пьеру. Там лежала какая-то косточка.

— Это кость святого великомученика Стефана, — объяснил Гюго де Бульо. Вытер лоб огромным платком, а когда Жан-Пьер вернул ему реликварий, завернул его в этот платок.

— Эх, найти бы более важные реликвии, иглы от тернового венца, гвозди с распятия...

— Плат Вероники... — подсказал Жан-Пьер.

— Ах, да что там плат! — воскликнул монах. — Это подделка, видал я ее. Эх, если бы крестовый поход продолжился...

Жан-Пьер взглянул на руки монаха. В них было что-то грубое, примитивное. Тыльная сторона ладоней поросла черными волосками, кожа проглядывала бледная. Пальцы были слишком коротки, ногти обломаны, с черным ободком.

Юный рыцарь все же решился и произнес:

— А я так рад, что крестовый поход закончился. .. и мир воцарится между мусульманами и христианами...

Глаза Гюго де Бульо опасно блеснули.

— Что, черт побери, ты думаешь, Жан-Пьер де Вуази?

Воцарилось напряженное молчание. Это молчание монаха не удручало. Он упивался им — перед битвой надо сделать паузу, тянуть ее до бесконечности, чтобы противник почувствовал себя неуютно.

— Крестовый поход не соответствует моим нынешним моральным представлениям, — произнес наконец Жан-Пьер. — Мне кажется безнравственным, что мы, христиане, сеем смерть меж людьми, которые хотят жить и верить иначе, чем мы. Монах поиграл желваками, мрачно поглядывая на юношу.

— Сдается мне, что ты переменил, свое мнение в обществе того проклятого иудея?

— Да, благодаря моей дружбе с ним и с младшим сыном эмира Туниса. Почему нам троим удалось найти общий язык, а вы все раздуваете ссоры?

— Твоя приверженность миру делает тебе честь, барон, — холодно заметил францисканец. — Но думаю, твой образ мыслей придется не по сердцу твоему отцу.

— Думаю, мы пойдем друг друга, — улыбнулся Жан-Пьер. — Мой отец всегда был противником Крестовых походов.

— Забыл, что всем должен быть благодарен Церкви? И титулом, и землями...

— Я ведь не только сын аристократа, но в первую очередь просто человек.

— То, что ты говоришь, ересь! — выкрикнул Гюго де Бульо.

Жан-Пьер вовсе не желал ссоры со старым монахом. Какой смысл в их споре?

— Я многое увидел в этом походе, — мягко произнес де Вуази, — и многому научился. Мой взгляд на Иисуса изменился.

— Так, так! Взгляд на Иисуса изменился... Это все тот рабби!

— Да, я сдружился с этим молодым иудеем, — подтвердил Жан-Пьер, — и многое узнал у него. Узнал ценные вещи об иудаизме.

— Ценные вещи? Что может быть ценного в религии, от которой отказался Господь, когда бывший его избранный народ распял Иисуса Христа?

Жану-Пьеру показалось, что его ударили. Столь яростен был взгляд францисканца.

— Или ты принял иудаизм? Уже и обрезание прошел? — брызгал слюной монах.

Жан-Пьер старался говорить спокойно:

— Я по-прежнему христианин и им останусь, фрадре! Но благодаря моему иудейскому

другу я лучше понял Христа как иудея и человека.

— Как иудея и человека? Да ты должен пасть пред Богом на колени и молиться. А ты его... человеком!

— Разве в Священном Писании не сказано, что Иисус мог плакать?

Гюго де Бульо скривил губу.

— Плакал из-за грехов наших, — подтвердил он. — Но нигде в Писании не сказано, что Иисус смеялся! А люди очень любят посмеяться!

— Да разве на свадьбе в Кане в кругу своих друзей Иисус сидел с постным лицом? — спросил Жан-Пьер. — Иисус был удивительный человек. Он был сравним со всем миром людским одновременно. Был добр, нежен...

Монах поднялся из-за стола:

— Жан-Пьер де Вуази, твой образ мыслей опасен! Ты сам опасен!

— Опасен? — удивился Жан-Пьер.

— Меня ужасает мысль, что ты повезешь иудейскую ересь на родину, еще не оправившуюся от ереси катаров!

— Я постараюсь рассказать людям о том, что думаю о Христе, — спокойно промолвил де Вуази.

— Наверное, твой иудейский дружок тебе поможет в этом?

— Да, — твердо произнес рыцарь. — Я надеюсь, что мой друг Натанаэль приедет ко мне во Францию.

— Барон де Вуази! — францисканец перешел на крик. — Злой дух в тебя вселился! Твои слова — елей для Сатаны!

Вуази ушел, не дожидаясь благословения монаха.

Глава пятая. Версии, или Кто тот Человек с плащаницы

Классифицировать как «судебное убийство»

Ученые и судмедэксперты долго изучали изображение на плащанице. Судебный эксперт Бэклин пишет, что «каждая рана была нанесена самым настоящим образом и соответствует тому типу орудия, которым ее наносили. Каждая рана кровоточила так, как это обычно бывает при таком ранении». Удивительно неподдельное мужество ученых. На это страшно смотреть, по всему телу нанесены травматические повреждения. Жестокое бичевание, которому подвергся человек, завернутый в плащаницу, оценивается примерно в 60-120 ударов плетью с двумя или тремя хвостами, в концы которых были вделаны металлический гвоздь, гирька или шарик. 98 отпечатков таких ран запечатлелось на плащанице!

Вспомните текст Евангелия от Иоанна (19:1-5): «Тогда Пилат взял Иисуса и велел бить Его. И воины, сплетши венец из терна, возложили Ему на голову, и одели его в баг ряницу, и говорили: радуйся, Царь Иудейский! И били Его по ланитам». Терновый венец и в самом деле остался страшной памяткой на изображении с плащаницы. На обоих коленях имеются ушибы, а на левой коленной чашечке порез от повторных падений в то время, когда истязуемого уже вели на Голгофу.

Распятие... Что же рассказывает нам о нем Туринская плащаница? На левой руке рана и большой сгусток крови. Оба запястья темные, так как обильно окрашены кровью из сквозных ран. Рана от гвоздя — квадратная, размером 8 мм². Гвоздь был вбит не посередине ладони, как принято изображать в иконографии Христа, но выше, в центре запястья, между костей.

Французский хирург Барбе, проводивший опыты с ампутированными руками, доказал, что гвоздь, вбитый между костями запястья, позволяет длительное время удерживать на кресте вес тела. Если же пробить ладонь, как это изображалось на иконах, гвоздь разорвет ее, и тело неминуемо упадет. Кроме того, при пробивании запястья гвоздь задевает срединный нерв руки и большой палец самопроизвольно подгибается под ладонь. На изображении с плащаницы так оно и есть. Большой палец прижат к ладони. На плащанице ясно видно различие между пятнами крови, вытекшей из ран еще живого человека, и кровью из бока, вытекшей из тела после кончины, а также из ног при снятии с креста и выдергивании гвоздей. По поводу удара, нанесенного копьем, все авторитетные ученые согласны с тем, что рана была сделана уже после смерти, поскольку вытекло небольшое количество вязкой свертывающейся крови и произошло разделение сгустков крови и сукровицы. Кровь стекала вниз без разбрызгивания (как она истекала бы из артерии живого человека), что говорит о том, что рана была нанесена уже после смерти.

Плащаница очень четко рассказывает судебным медикам о мучительной медленной смерти через распятие, когда жертва должна опираться на пробитые ноги и приподниматься, чтобы сделать каждый вдох. Судебные криминалисты, изучавшие плащаницу, выдвинули два варианта смерти на кресте: удушье из-за судороги мышц и остановка сердца из-за резкого снижения кровяного давления.

Барбе называет подобный способ умерщвления судебным убийством. Туринская плащаница оказалась намного подробнее отчета Понтия Пилата императору Тиберию.

Версия 1. Кто он?

Одна из гипотез о человеке с плащаницы принадлежит Кристоферу Найту и Роберту Ломасу. Впервые эта гипотеза была изложена в книге «Ключ Хирама», а затем в труде «Второй Мессия». Найт и Ломас утверждают, что изображение на плащанице представляет собой не лик Иисуса, а портрет Жака де Моле, последнего великого магистра ордена тамплиеров. Жак де Моле провел семь долгих лет в заключении и принял мученическую смерть в огне инквизиции в 1314 году. Найт и Ломас считают, что во время допроса инквизиторы подвергли великого магистра тем же пыткам и мучениям, какие в свое время перенес Иисус Христос, вплоть до распятия. Когда великий магистр после перенесенных пыток оказался жив, его завернули в саван или плащаницу, и на ткани отпечталось его изображение. После пыток распятием де Моле почему-то выжил. Наверное, на роду ему было написано аутодафе. Ткань пелены, ставшей сразу же реликвией для тамплиеров, перешла в собственность семейства Жоффруа де Шарне.

На чем основана гипотеза Найта и Ломаса? В принципе, доказательств у них не много, всего лишь три. Дата пыток и ареста Жака де Моле совпадает с нижней границей радиоуглеродного анализа плащаницы. Сами пытки Жака де Моле считаются лучшим доказательством (хотя характер пыток инквизиторы в описании допросов не указали). Тамплиер де Шарне, равно как и сам де Моле, имел отношение к Лирею и появившейся там плащанице. Если на мгновение предположить, что в плащаницу был завернут все-таки великий магистр тамплиеров, то он должен был лежать совершенно неподвижно, не корчиться от боли. Если же инквизиторы пытали его столь дьявольским способом, то спокойно полежать живому человеку в плащанице не привелось бы.

«Хотя Найт и Ломас утверждают, что им удалось окончательно... разгадать тайну плащаницы, на самом деле они попросту не заметили ее. Главная загадка реликвии заключается даже не в том, чей образ запечатлен на ней, а каким путем он был создан», — делают насмешливый вывод Л. Пикнетт и К. Принс. Чтобы тут же выдвинуть свою собственную, конечно же смелую, версию.

Продолжение легенды о плащанице

Через час в покои Гюго де Бульо вошел Бернар де Аж, рыцарь-иоаннит. С собой он нес огромный кожаный мешок.

— Рад видеть тебя и плоды твоих алхимических опытов, сын мой! — поприветствовал его францисканец.

— Ну, к сожалению, я сам не очень доволен результатами, фратре Гюго, — возразил иоаннит. — Но кое-что могу показать.

Монах кивнул головой.

— Поначалу я изготовил человеческие лица, их изображения, используя гипсовые отпечатки. Вот только к долгожданным результатам мои эксперименты пока не привели. — Рыцарь достал сложенный платок. — Видите, сколь страшны и несовершенны эти лики, и их пропорции не совпадают.

— Ужасно! — явно разочарованно воскликнул Гюго де Бульо.

— Потом я смазал маску смесью из алоэ и мирры и приложил к влажному плату. Как только образ проявился на ткани, я снял плат и положил сушиться. Но возникших образ слишком отчетливо проявился на ткани.

— Да, он неплох, но... — вздохнул францисканец.

— В следующем эксперименте я добавил в смесь оливковое масло, а платок пропитал раствором из терпентина.

— Но почему подобные субстанции — алоэ, мирра, оливковое масло и терпентин? — спросил Гюго де Бульо.

— Ну, алоэ и мирра упоминаются в Библии при иудейских погребениях. Терпентиновое масло — составная часть субстанций, которые древние египтяне использовали при бальзамировании трупов. Думаю, нам надо поискать что-то еще...

— Наверное, — вздохнул разочарованный монах.

— Вот эту маску я обрызгал смесью не только масел, но кровью.

— Еще ужасней! — Монах даже отпрянул от стола.

— К сожалению, вы правы. — Бернар де Аж пожал плечами. — Боюсь, таким образом мы не добьемся ничего. Я экспериментировал на телах только что забитых животных, вот они отпечатываются достоверно, пока не успели остыть...

Францисканцу жар ударил в голову.

— Фантастично! — восторженно воскликнул он. — Бернар де Аж, ты мастер своего дела! Гений!

Иоаннит покраснел.

— Я старался. — Он огорченно потупился. — Однако нам это ничем не помогает, — вздохнул он. — Где же мы найдем тело еще не остывшего умершего? Да еще и с идеальным обликом...

Версия 2. Кто он?

По версии Пикнетт и Принса, он — Леонардо да Винчи. Иногда кажется, что без Леонардо в истории Средневековья вообще ничего не обходилось. Но все же рассмотрим и эту гипотезу.

Согласно ей, Леонардо получил от самого тогдашнего папы римского заказ на создание более качественной «плащаницы». Другим художникам ничего подобного просто не рискнули бы предложить. А для циничного умницы Леонардо да Винчи никаких этических норм и соображений просто не существовало (так считают именно Пикнетт и Принс).

«На подделку Туринской плащаницы мог отважиться только еретик... — пишут исследователи. — Создать подделку священной плащаницы Иисуса, нанести на нее нечто, что должно имитировать следы его спасительной крови, и стремиться выдать поддельную реликвию за подлинную святыню — это дело, на которое никогда не пойдет истинно верующий христианин».

По мнению исследователей, идея поместить на ткань свой собственный портрет тоже принадлежала Леонардо.

Ссылаются «агенты плащаницеведения» Принс и Пикнетт на то, что именно да Винчи открыл принцип стереоскопического зрения, то есть восприятия трехмерного изображения. А также на то, что в 1490-е годы Леонардо работал над таинственной «машиной из зеркал», предназначение которой для нас — загадка. Но это для нас, а для Принса и Пикнетт все давно понятно: «...известно, что зеркала собирают в фокус свет и тепло, а оба этих вида энергии необходимы для получения изображения, аналогичного изображению на плащанице», — пишут они.

К доказательствам относится и то, что голова человека на плащанице как бы отделена от тела. Значит, о ком хотел напомнить всем Леонардо? Никаких сомнений, об Иоанне Крестителе. «Будучи иоаннитом, Леонардо особо почитал Иоанна Крестителя, который, как мы помним, был именно обезглавлен, и относился с крайним презрением к распятому Христу» ^[12]. Иоанниты, к которым исследователи причислили и Леонардо да Винчи, были гностиками, предающими анафеме Христа как «ложного мессию». Именно иоанниты утверждают, что Христос узурпировал сан мессии, принадлежащий на самом деле Иоанну Крестителю. Такого же мнения придерживаются многие ученые-библеисты. Для них Иоанн Креститель и Иисус Христос были соперниками, причем их соперничество носило ожесточенный характер.

Вывод, который делают Линн Пикнетт и Клайв Принс: Леонардо ловко одурачил тех самых церковников. Остается добавить: а также миллионы паломников, которые на протяжении пяти веков поклоняются его портрету.

Продолжение легенды о плащанице

В тот вечер Натанаэль, вернувшись от своего друга, заметил вблизи своего дома человека, странным образом беспокоившего его. Уж слишком часто он видел его в последние дни. Почему он везде попадается ему навстречу? Натанаэль столько раз за сегодняшний день видел его... И взгляд незнакомца беспокоил. Впервые в своей жизни Натанаэль почувствовал, что ему грозит опасность. Небо затянуло черными тучами, вдалеке уже слышалось грохотание грома. Или это шаги у него за спиной? Натанаэль насторожился.

— Кто здесь? — спросил молодой рабби.

Чернота ночи становилась все более грозной, вот от нее отделились чьи-то тени. Страшный удар пришелся по голове Натанаэля...

— Свяжите его! — приказал кто-то мрачно.

...Альфонс де Шонси, подчиненный коменданта Аккона, вошел в кабинет Роджера де Адама.

— За стеной, в пяти сотнях шагах отсюда, нашли тело убитого иудея, — доложил он.

— Тело иудея? И никто его не опознал? — спросил комендант.

— Да, вроде как иудей. Он почти что наг, только набедренная повязка. Выглядит ужасно.

Роджер де Адам и Альфонс де Шонси покинули дворец. Молодой тамплиер отвел коменданта за крепостную стену. На повороте дороги тамплиер увидел тело почти обнаженного мужчины, спиной вжавшегося в ствол дерева. Голова с окровавленными волосами поникла на грудь. Кровь была повсюду, все тело — одна сплошная рана.

Роджер де Адам присел, чтобы внимательнее осмотреть тело. Осторожно приподнял со лба слипшиеся от крови волосы.

— Я знаю этого человека, — наконец произнес тамплиер и глянул на Альфонса де Шонси.

— Благородство черт его лица не изменили даже страдания.

Несмотря на участие во многих битвах, тамплиеру Роджеру де Адаму не удавалось безразлично относиться к смерти.

— И кто же этот человек? — спросил Альфонс де Шонси.

— Натанаэль бен Соломон, юный рабби, он не так давно вернулся в Аккон из Туниса.

Версия 3. Кто он?

Сейчас в моде новая хронология и реконструкция средневековой истории. В 2003- 2004 годах представители и почти что «родители» новой хронологии Г. В. Носовский и А. Т. Фоменко дали миру новую сенсационную гипотезу. Плащаница принадлежала... византийскому императору Андронику Комнину.

На чем основывается их версия?

Согласно свидетельству Никиты Хониата, на момент распятия — а Андроника действительно распяли — императору было от 30 до 45 лет. Возраст человека с плащаницы тоже достигает 30-40 лет. У изображения на плащанице борода похожа на раздвоенную [\[13\]](#). У Андроника тоже была раздвоенная борода. Никита Хониат говорит: «У него была длинная борода, разделяющаяся на две половины и оканчивающаяся острием». Надо сказать, что далеко не для каждого византийского императора сохранились сведения о форме его бороды. «Что касается раздвоенной бороды, то мы не нашли в византийской истории другого такого упоминания, кроме Андроника», — говорят Фоменко и Носовский. Далее они ссылаются на то, что рост Андроника и человека с плащаницы совпадают.

Как пишет Хониат, Андронику перед казнью выкалывают глаз. На фотографиях плащаницы хорошо видна большая вертикальная рана, пересекающая правый глаз распятого. Никита Хониат сообщает, что за несколько дней до того, как Андронику выкололи глаз и повели на распятие, ему отрубили правую руку. Обратимся теперь к плащанице. Новые хронологи рассматривают фотографию участка плащаницы с изображением кистей рук. «На правой руке Христа мы действительно видим разрыв между кистью и самой рукой... Возможно, кисть была отрублена и затем приложена к мертвому телу. Чтобы отрубленная кисть держалась, ее накрыли левой рукой», — пишут Фоменко и Носовский...

О ней спорят, не переставая. Люди разделились на два клана: поклонников и противников. Перспективу того, что общества поклонников плащаницы распадутся, я считаю иллюзорной. Они будут существовать и дальше, до тех пор пока плотно не будет изучено до мельчайших подробностей и пока результаты, что вполне вероятно, не станут более четкими, чем сегодня. Не исключаю я и того, что настанет день, когда скептики убедятся в своем заблуждении и изменят свою позицию. Приняв чудо как чудо, а не как объект научных исследований. Пока же не могу не согласиться со словами Джона Уэлша, еще в 1963 году сказавшего: «Туринская плащаница — это либо самая удивительная и впечатляющая реликвия, подтверждающая существование Иисуса Христа... либо одно из самых гениальных и невероятно сложных созданий человеческого разума и искусных рук. Середины здесь быть не может».

Мне не хотелось примыкать ни к поклонникам, ни к противникам. Мне хотелось лишь обобщить все версии и рассмотреть гипотезы. «Судить» плащаницу не в моей компетенции.

Окончание легенды о плащанице

Медленно, словно капля за каплей стекает расплавленный воск, сознание возвращалось к старому барону де Вуази. Натанаэль! Человек на плащанице был Натанаэлем — другом его юности. Не было никаких сомнений! За всю свою жизнь не смог де Вуази забыть его лица. Какая насмешка! Старый барон смотрел на плащаницу. От слез изображение Натанаэля расплывалось. Как много мог бы рассказать Жан-Пьер своему другу, что накопилось за долгие годы. Однако только одно слово слетело с его губ:

— Прости!

В этот момент в уши ворвался звон множества колоколов. Звонят на колокольне? Небеса разверзлись, оглашая все окрест? Или это колокольный звон его собственного сердца, звон, рвущийся из глубин его души?

Жан-Пьер де Вуази потерял сознание. Когда старик очнулся, он лежал в постели. Справа от него на коленях стояли Матильда и ее сыновья. Они молились. Слева над кроватью Жана-Пьера де Вуази склонился священник.

«Я жив», — хотел произнести старый барон. Но губы не слушались его.

Священник удивился, что старец вообще открыл глаза. Они сияли и смотрели в пустоту. «Как странно, — подумал духовник, — обычно смерть искажает лица». А лицо барона сияло.

— *Натанаэль, — прошептал Жан-Пьер де Вуази. — Ты пришел забрать меня?*

— *Что он говорит? — спросила баронесса Матильда испуганно.*

— *Я не понимаю, — отозвался духовник и наклонился над стариком.*

— *Ты не Натанаэль, — прошептал тот на прощание миру.*

Пикнетт Л., Принс К. Туринская плащаница. М.: Эксмо,

Цит. по: Бегичева В. Безмолвные хранители тайн. М.: Рос- мэн, 2004.

Цит. по: Бегичева В. Безмолвные хранители тайн.

Цит. по: Хитрое М. Подлинный лик Спасителя. М., 1894.

Цит. по: Мень А. Сын Человеческий. М.: Протестант, 1992.

Новелли Дж. Туринская плащаница: вопрос остается открытым. М., 2000.

Цит. по: Pallas D. I. Passion und Bestattung Christi in

Чудотворная икона в Византии и Древней Руси. М., 1996.

Независимая газета. 2004. 27 апреля.

Цит. по: Пикнетт Л., Принс К. Туринская плащаница. С. 24.

Роджерс Р. Туринской плащанице 3000 лет. / ТЪегтосЪгша АсЛа.

Пикнетт Л., Принс К. Туринская плащаница. С. 364.

См. статью «Образ на ткани» на сайте www.shroud.